
Элисон
Уэйр
Идеалист, многоженец и тиран:
тридцать шесть лет на троне.
По милости
короля
Роман
о Генрихе VIII

Элисон Уэйр

По милости короля. Роман о Генрихе VIII

Серия «Розы Тюдоров», книга 2

Серия «The Big Book. Исторический роман»

https://litres.ru/71124205
По милости короля. Роман о Генрихе VIII:
ISBN 978-5-389-26638-4

Аннотация

<p>Фигура этого правителя чрезвычайно противоречива. Для своих современников Генрих VIII из династии Тюдоров был великим королем. Монарх-идеалист, он расширил парламент, основал Королевский военно-морской флот, модернизировал медицинское образование. Он сочинял музыку и стихи, обожал рыцарские турниры, покровительствовал искусствам. В молодые годы образованный и одаренный принц считался воплощением многих добродетелей, и у него были все качества, чтобы превратить свое правление в подлинный триумф английского Возрождения. Однако оно осталось в истории прежде всего как время опасных интриг и кровопролития. Генрих разорвал

отношения с папой римским и основал собственную церковь, разорил монастыри, обезглавил двух своих жен и прогнал двух других. Он умер подозрительным, тучным, измученным недугами тираном, состарившимся раньше срока. Тем не менее прошло уже почти пять столетий, а память о нем жива. Не пора ли королю, навсегда изменившему государственное устройство Англии, замолвить за себя слово? <emphasis>Впервые на русском!</emphasis>

Содержание

Пролог 8
Часть первая 11
Глава 1 11
Глава 2 40
Часть вторая 62
Глава 3 62
Глава 4 88
Конец ознакомительного фрагмента. 102

Элисон Уэйр
По милости короля
Роман о Генрихе VIII

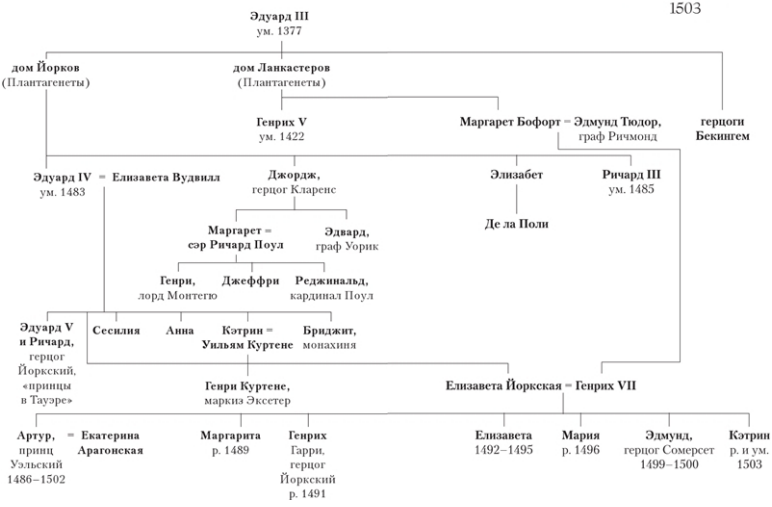
Моей прекрасной дочери Кейт в честь ее брака с Джейсоном,
с любовью к ним обоим

Без всяких ссор,
Оставив спор,
Мы будем жить.
Два сердца взяв,
В одно связав,
Нам лучше быть.

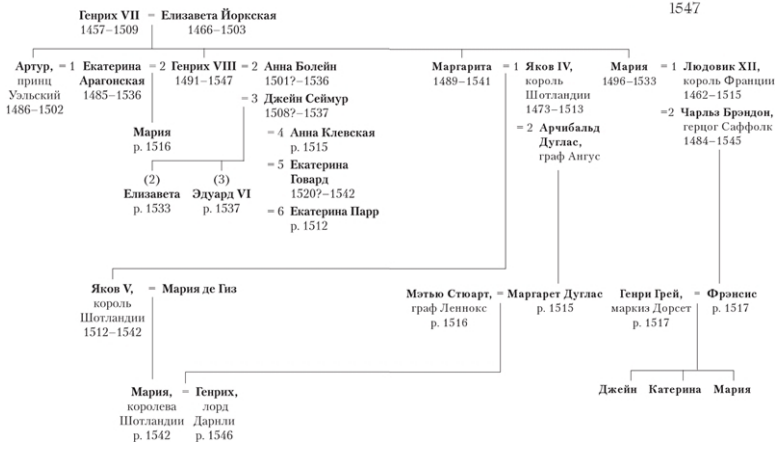
Король Генрих VIII

Alison Weir
HENRY VIII: THE HEART AND THE CROWN
Copyright © 2023 by Alison Weir
All rights reserved
© Е. Л. Бутенко, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

АНГЛИЙСКИЙ КОРОЛЕВСКИЙ ДОМ, 1503

АНГЛИЙСКИЙ КОРОЛЕВСКИЙ ДОМ, 1547

Пролог

Кто ведет здесь благую жизнь и праведно управляет государством, как делал мой благородный отец, который поощрял добродетель и искоренял невежество, тому вернее всего открыт путь на небеса.
Король Генрих VIII

Он умирал и знал это. Никто не осмеливался сказать ему – еще бы, ведь предсказание смерти короля почиталось изменой. Но он чувствовал это своими костями, всем своим дряхлеющим телом, не таким грузным теперь, так как плоть обвисла на нем. В последние несколько дней ему даже есть не хотелось.

Он пытался пошевелиться на своей огромной постели, но и на такое усилие у него не было сил. Сколько еще терпеть это чистилище ему, всегда сторонившемуся болезни и смерти? Он громко застонал, но никто его не услышал, потому что рядом с ним никого не было, только Уилл Сомерс дремал в кресле у огня. Ромбовидные стекла в сводчатых окнах дребезжали от ветра, бьющего в стены дворца Уайтхолл. Темза, наверное, покрылась льдом.

Его трясло, и не только от холода в комнате. Скоро он предстанет перед Всевышним, которого так часто призывал в союзники и с которым ему вот-вот нужно будет прими-

ряться. Он всегда стремился жить добродетельно и соблюдать заповеди, но хорошим человеком не стал. Теперь, когда Судный день приближался, он понимал это ясно. Расчет его ждал долгий.

Вот если бы Кейт пришла к нему, но она находилась в Гринвиче, куда он сам отправил ее, не желая, чтобы жена видела его угасание.

Наконец советники – злобные, склочные, сварливые подлецы – на время оставили его в покое. Этим утром он сумел подняться, чтобы обсудить с ними государственные дела, но потом его силы иссякли, и советники убрались, кланяясь и перешептываясь, словно коты, готовые вонзить один в другого когти. Как только он умрет, они захватят власть, станут править от имени его сына, и тогда… Да поможет Господь Англии! Но он сделал все, чтобы обезопасить будущее мальчика. Предательская слеза скатилась по его щеке при мысли об этом драгоценном, любимейшем сокровище, покинутом и осиротевшем.

Темнело. Как быстро промчались годы! Не всегда он был пленником этого неповоротливого, измученного болезнями тела. Он помнил золотую юность, он познал славу. Мир превозносил его. Он считал себя бессмертным. Но Господь всегда выставляет людей дураками…

Не так давно, казалось, он был молод и полон надежд, жизнь била в нем ключом, а сколько было планов! Но потом случилась трагедия. Воспоминание об этом вновь разбере-

дило душевную рану, которая с течением времени как будто затянулась и потеряла чувствительность. Прошло сорок четыре года, но он помнил все, словно это случилось вчера: мягкий бархат покрывала на постели матери под его щекой, влажный от слез…

Часть первая
Весна

Досуг в кругу друзей
Любить до смерти буду.
Открыв пред всеми двери,
Не потакаю блуду.
Всегда на радость Господу
Я так и стану жить.
В охоте, песнях, танцах
Отраду находить.
Все развлеченья дивные
Услады моей ради
Кто мне запретит?

Король Генрих VIII

Глава 1

1503 год

Он плакал часами. Матушка, его дражайшая матушка умерла. Это была самая отвратительная, самая ужасная новость, которую обрушила на него старая нянька миссис Люк. Нет, к счастью, не отец, сам убитый горем.

Видя отчаяние короля, Гарри не смог бы справиться с собой. Ему и без того приходилось нелегко. Он безутешно рыдал на широкой груди миссис Люк, но наконец, понимая, что одиннадцатилетним мальчикам не пристало по-женски лить слезы, с трудом собрался и пошел к сестрам, которые, пригорюнившись, сидели на ковре перед камином в спальне матери. Он в ужасе уставился на кровать, уже застланную покрывалом и завешенную черным траурным бархатом.

Матери больше не придется спать здесь; он никогда не услышит ее сладкий голос, не ощутит нежных материнских объятий. Как же сильно она любила своего золотого мальчика! Как горько думать о пустоте, в которой ему предстоит жить без нее! Печаль комом стояла в горле, и подавить ее не удавалось. Он опустился на колени у постели и закрыл лицо руками.

Он любил матушку, уважал ее, боготворил. Благодаря ей он являлся наследником королевского рода, имеющего законные права на власть в Англии. Она была истинной королевой: прекрасная, добрая, плодовитая, милостивая, щедрая и набожная. Она учила его первым молитвам и грамоте, утешала в детских горестях и болезнях, была для него источником мудрости и успокоения.

И вот ее нет. Ему этого не вынести.

Бабушка, леди Маргарет, подошла к нему и подняла на ноги. В обрамлении вдовьего вимпла и черного гейбла[1] ее

[1] *Вимпл* – средневековый европейский головной убор, состоявший из двух по-

худое лицо выглядело печальным и осунувшимся.

– Гарри, вы должны быть довольны, что ваша дорогая матушка с Господом, радоваться за нее.

– Как я могу?! – выпалил он. – Она нужна мне! Почему Бог так жесток и забрал ее у меня?

– Тише, дитя! Нельзя подвергать сомнению Господню волю. – Леди Маргарет села на постель и привлекла к себе внука.

Мария, которой еще не исполнилось семи лет, но которая уже слыла в семье красавицей, забралась к бабушке на колени и сидела там, нижняя губа у нее дрожала, а тринадцатилетняя Маргарита, обычно своевольная и непокорная, с потерянным видом опустилась на колени у ее ног.

– Ваша матушка теперь на небесах, смотрит оттуда и молится за вас, – сказала детям леди Маргарет. – Ей не хотелось бы, чтобы вы грустили. И она с Артуром.

Гарри снова ощутил, как в нем всколыхнулась знакомая ревность к брату. Он всегда жаждал иметь все то, что было у брата, но вот в прошлом году Артур умер в нежном возрасте пятнадцати лет, и младшему брату вдруг досталось это все. Он стал принцем Уэльским и наследником трона, к тому же был помолвлен с его очаровательной вдовой-испанкой. В один прекрасный день Гарри станет королем Англии, а Ека-

---

крывал, обычно белых, которые закрывали голову и шею. *Гейбл*– женский головной убор, популярный в Англии в первой трети XVI в. – *Здесь и далее примеч. перев.*

терина Арагонская – его королевой. Но Артур, находясь на небесах, в последний раз обошел брата и получил самое лучшее – матушку, которая теперь рядом с ним.

– Почему она умерла? – спросила Мария.

– Господь призвал ее, – ответила леди Маргарет.

– Она умерла, потому что у нее началась горячка, когда родилась наша сестра Кэтрин, – рассудила Маргарита.

– Лучше бы эта Кэтрин вообще не рождалась, – пробурчал Гарри.

– Гарри, никогда не говорите так! – упрекнула его бабушка и обняла. – Она бедное невинное дитя, сиротка, и я боюсь, ей самой недолго осталось в этом мире.

Гарри опять залился слезами, с новой силой ощутив глубину утраты. Он тоже остался без матери. Приклонив голову к худому плечу бабушки, мальчик зарыдал.

Через два дня леди Маргарет решила, что учеба поможет Гарри отвлечься от печальных мыслей о понесенной утрате, и вот ее внук снова сидел за партой во дворце Элтем и старательно трудился под бдительным оком своего наставника мастера Скелтона. Бабушка, сама женщина образованная, всегда активно интересовалась обучением своих дорогих деточек, как она называла Гарри и его сестер, считая, что это пойдет им во благо, а мать с отцом говорили, что они должны благодарить ее за это, так как леди Маргарет была щедрой покровительницей ученых и Кембриджского университета.

Как и матушка, бабушка любила книги, обе женщины привили Гарри страсть к наукам. Занятия с учителями, как путешествие, ведущее к открытиям, приносили большое удовольствие юному уму, жадному до новых знаний, и Гарри всегда проявлял себя способным учеником.

Три года назад лорд Маунтжой, ученый, которого отец сделал наставником Гарри, договорился с молодым законоведом по имени Томас Мор, чтобы тот привез в Элтем знаменитого гуманиста Эразма Роттердамского. Гарри с сестрами принимали гостей в величественном главном зале, построенном их дедом Эдуардом IV, и принц разговаривал с Эразмом в нише эркерного окна.

Гарри почитал Эразма как героя еще до встречи с этим великим человеком, до прочтения его сочинений и до того, как глубокое понимание знаменитым гуманистом литературы древних и изучение греческого Нового Завета вдохновили юного принца. На уроках ему рассказали о новом открытии классических трудов Древней Греции и Рима и о том, что людей, которые разработали это «новое учение», называют гуманистами. Гарри почел за честь для себя предложение Эразма вступить с ним в переписку на латыни, ликовал, когда великий ученый похвалил его письма и выразил удивление, что все они написаны самим юным принцем. После встречи в Элтеме Эразм написал:

Я вижу, Вам нравится подражать моему стилю. В Вас есть зачатки таланта. Вы тянетесь к звездам

и сможете добиться совершенства в любом деле, за какое ни возьметесь.

От этих слов Гарри испытал благоговейный трепет.

Теперь он сидел, склонившись над рукописью «Одиссеи» Гомера в прекрасном переплете, и ему было трудно сконцентрироваться, потому что его мысли то и дело возвращались к великой утрате. Гарри всегда был очень активным ребенком, и учебные занятия не могли отвлечь его от печали. Лучше бы ему позволили выйти на улицу и побегать там, поскакать верхом или повозиться с его другом Чарльзом Брэндоном и другими мальчиками, которые сидели за соседними партами и, казалось, как и он сам, беспокойно ерзали на стульях.

Когда Гарри был еще совсем мал, ходили разговоры, что он станет церковником. К счастью, отец передумал, так как его младший сын явно не имел склонности к религиозной жизни. Он хотел участвовать в сражениях и побеждать на турнирах, ухаживать за прекрасными дамами и совершать подвиги, чтобы завоевать их любовь. Родители, особенно мать, внушили ему страсть к рыцарству, и он возжелал стать новым королем Артуром. Эта роль была отведена его брату, который должен был возвестить наступление нового золотого века Камелота, но Гарри знал, что намного лучше подходит для выполнения этой задачи, чем Артур, худой и болезненный, тогда как сам он отличался отменным здоровьем и кипел энергией. Гарри был лорд-смотрителем Пяти портов, констеблем Дуврского замка, лорд-лейтенантом Ирландии,

рыцарем ордена Подвязки и ордена Бани; прежде чем стать принцем Уэльским, он носил титул герцога Йоркского. Ему не терпелось ощутить тяжесть короны на своей голове.

А пока его сослали в классную комнату.

– И что там такого интересного за окном? – заметив, что его ученик о чем-то замечтался, рявкнул мастер Скелтон. – Вернитесь к книгам, лорд Гарри! Англия имеет право ожидать многого от короля, взращенного на философии и девяти музах!

– Да, сэр, – пробормотал Гарри.

Как обычно, он не мог понять, почему Эразм считал раздражительного старого Скелтона – Скелетона, так принц называл его про себя, – «несравненным светочем британской литературы». Скорее уж его наставник был устрашающей и ненавистной плетью для ничего не подозревающих придворных отца, которых честил в своих насмешливых и презрительных сатирах. Не одному только Гарри доставалось от его острого языка. Колкости Скелтона злили отца, и в прошлом году он даже ненадолго посадил острослова в тюрьму. Скелтон умерил свой критицизм и заговорил о том, что покинет двор и станет приходским священником в Норфолке. Услышав это, Гарри возликовал, но потом понял, что будет скучать без своего наставника. Он знал, чего тот стоит и как далеко способен продвинуть его. Знакомое зло лучше неизвестного.

Гарри заметил озорную улыбку Чарльза Брэндона, кото-

рый глядел на него с другого конца классной комнаты. Брэндона, бывшего на семь лет старше Гарри, после смерти Артура выбрали ему в компаньоны. Отец Чарльза, сэр Уильям Брэндон, нес знамя отца Гарри в битве при Босворте, но его сразил узурпатор Ричард III. Если бы сэр Уильям не защитил отца, тот мог погибнуть. В благодарность своему знаменосцу через несколько лет после этой славной виктории, которая обеспечила ему трон, отец пристроил Чарльза ко двору Артура и позже сделал его пажом. Жизнерадостный, хотя и не слишком умный, Чарльз очень любил турниры, рыцарей и пышные зрелища, что сделало их с Гарри неразлучными друзьями.

Брэндон ненавидел Скелетона, а учитель часто раздражался на него, но ставил превыше всего интересы Гарри. Два года назад Скелтон написал книгу «Зеркало принца», в которой наряду с другими полезными советами призывал Гарри выбрать себе хорошую жену и всегда ценить ее. Можно подумать, тот сам до такого не додумался бы! Женщин следовало почитать и обращаться с ними уважительно.

Пытаясь не рассмеяться при виде лукавой физиономии Брэндона, Гарри опустил глаза на открытую страницу книги, думая о Екатерине. Его сердце принадлежало ей с тех пор, как шестнадцать месяцев назад он встречал ее в Лондоне и вел к алтарю в соборе Святого Павла, где она обвенчалась с Артуром. Гарри был очарован ее миловидностью, огненно-рыжими волосами, достоинством и грацией. Будучи

старше его на пять с половиной лет, эта девушка казалась ему принцессой из сказки, она наверняка станет такой же прекрасной королевой, как и его мать. Гарри сильно завидовал Артуру. Уже тогда он понимал, что из него самого получится гораздо более достойный супруг для Екатерины. И теперь она будет его женой; пройдет немногим более двух лет, ему стукнет четырнадцать, и они поженятся. Советы мастера Скелтона – пустая трата слов, он и так будет ценить ее.

При мысли о матери Гарри невольно замер на мгновение. Слишком больно было снова погружаться в печаль, однако чувство утраты грозило захватить его целиком.

– Лорд Гарри, за последние четверть часа вы ни разу не перелистнули страницу, – сделал ему замечание Скелтон.

– Как вы можете ждать от меня работы, когда я непрестанно думаю о моей почтенной матушке, – жалобно возразил Гарри и опустил голову, чтобы учитель на заметил блеснувших на глазах слез.

Угловатое лицо Скелтона смягчилось.

– Хорошо, милорд принц, я понимаю. Может быть, вам пойдет на пользу, если вы выйдете на свежий воздух и поупражняетесь в стрельбе из лука.

– Да, конечно! – воскликнул Гарри и подскочил, радуясь возможности отвлечься.

– Тогда идите. Я скажу мастеру Дьюсу, чтобы он пришел после полудня, а не с утра.

– Благодарю вас, – выдохнул Гарри и поспешил прочь.

Мастер Дьюс учил его французскому, латыни и итальянскому. Языки давались Гарри легко, и учитель ему нравился. Хотя бы этим принц радовал отца. Но в первую очередь его манили к себе уличные забавы. После нескольких состязаний с друзьями он упражнялся в верховой езде и тренировался наносить удары копьем по укрепленной на столбе мишени, а еще играл в теннис, если оставалось время до начала занятий. Ничто так не радовало Гарри, как спорт. К счастью, отец распорядился, чтобы его обучали всем необходимым принцу навыкам: верховой езде, стрельбе из длинного лука, фехтованию, рыцарским поединкам, борьбе и искусству обращаться с мечом. И во всех Гарри преуспевал!

Накинув на плечи кожаный джеркин, Гарри подозвал к себе Брэндона и других юных джентльменов, чтобы те вместе с ним вышли на блеклое февральское солнце, и направился к мишеням для стрельбы из лука. Его сопровождали два йомена гвардии. За принцем поспешил один из подопечных короля, Уильям Комптон. Он был на девять лет старше Гарри и происходил из богатой семьи, однако Скелтон считал, что юноша оказывает на принца плохое влияние своей бесшабашностью, за которой скрывались железная воля и неукротимая амбициозность, о чем Гарри прекрасно знал. Когда-нибудь ему понадобятся такие люди, как Комптон или Эдвард Невилл, дальний родственник самого принца, который, как и Брэндон, отличался большим сходством с Гарри, причем не только в общей для обоих страсти к турнирам.

Гарри и Брэндона действительно часто принимали за братьев.

Если бы у Гарри был собственный двор, подальше от бдительного отцовского ока, жизнь шла бы совсем по-другому. При мысли об отце Гарри нахмурился. Жаль его, конечно, он сейчас, несомненно, скорбит по матери, и вообще нельзя не восхищаться отцом, ведь он завоевал королевство, победив узурпатора. И все же отца окружал ореол славы, а не величия. Изможденное лицо, редкие седеющие волосы, сутулая худая фигура – это подошло бы скорее писарю, чем королю. К тому же Гарри всегда казалось, что отец критикует его или говорит ему «нет».

Пока был жив Артур, отец планировал составить для Гарри его собственный двор в замке Коднор в Дербишире, и тот ликовал в ожидании, когда это свершится. Все говорили, что Коднор похож на крепость из легенд, идеальное место для великодушного рыцаря, каким Гарри хотел когда-нибудь стать. Он представлял себе, что будет устраивать в замке турниры, окруженный блестящими джентльменами и дамами ослепительной красоты, и в один прекрасный день привезет туда невесту, очень похожую на Екатерину. А главное, будет находиться в сотнях миль от Лондона и отцовского орлиного взора. Свобода манила его.

Но потом Артур умер, и король оставил свой план.

– Я уже потерял двоих сыновей, – объяснил он Гарри, который стоял перед ним, сглатывая слезы обиды и разочаро-

вания. – Потерять еще и вас, единственного оставшегося у меня наследника, – такого я не могу себе позволить. Я отправил Артура далеко, в Ладлоу, о чем теперь сожалею, а потому намерен поселить вас рядом с собой.

Гарри с трудом удалось сдержать возмущение, когда он понял, что идея отца держать его при себе вылилась в уединенную, почти монашескую жизнь в обществе наставников и под почти непрерывным надзором – за принцем следили, даже когда он выезжал на охоту. В каждом дворце ему отвели новую спальню, куда можно было попасть только через дверь в покоях отца. Контакты Гарри с двором строго контролировались, а свою будущую супругу он видел крайне редко. Очень быстро Гарри стало душно от этой назойливой опеки.

Как-то он осмелился пожаловаться. Отец выслушал его с непривычным терпением, затем похлопал по плечу и сказал:

– Все очень просто, Гарри: я держу вас при себе, потому что люблю и не хочу потерять. Но это не единственная причина. Вы уже приобрели королевские манеры, чувство собственного достоинства и обходительность, но мне хочется, чтобы вы стали еще лучше и подготовились к тому моменту, когда станете королем.

– Нельзя ли мне пользоваться немного большей свободой, сир? – печально спросил Гарри, с тоской вспоминая о Кодноре.

– Вы принц. Живете в роскоши благодаря моему рачительному управлению королевством. Когда-нибудь вы стане-

те королем, унаследуете несметные богатства и женитесь на одной из величайших принцесс в христианском мире. Чем вы недовольны? То, что сейчас вы находитесь под наблюдением наставников, – плата за эти привилегии.

Отец произнес свою отповедь суровым тоном, и Гарри, повесив голову, угрюмо удалился, а когда передал слова короля Скелетону, тот отмахнулся от него:

– Считайте себя счастливчиком, лорд Гарри. В мире не найдется для вас лучшей школы, чем общество такого отца, как король Генрих.

Только мать выслушала бы его и поняла. Но матери теперь нет здесь. Она лежит под плитами алтаря Вестминстерского аббатства. Гарри даже не позволили присутствовать на ее похоронах.

К июню Гарри обнаружил, что гораздо реже вспоминает о недавней утрате и больше думает о будущем. Прекрасным летним днем, сняв траур и облачившись в роскошный наряд из белого дамаста и темно-красного бархата, Гарри вместе с королем проехал по Лондону к дому епископа Солсберийского на Флит-стрит, где состоялась его помолвка с Екатериной. За два дня до этого отец подписал договор с Испанией.

Войдя в верхние покои, залитые бившим в окна солнечным светом, Гарри увидел свою будущую жену, и у него перехватило дыхание. Она была в девственно-белом наряде, с распущенными в знак чистоты золотистыми волосами. При-

сев в реверансе, Екатерина скромно опустила глаза. Сердце Гарри затрепетало от восторга и гордости.

Стоя перед епископом, они произнесли брачные обеты. Затем подали вино в драгоценных кубках. Гарри и Екатерина улыбались друг другу и пытались вести разговор на английском, французском и испанском, хотя ни он, ни она не говорили бегло на всех трех языках. В глазах Екатерины Гарри прочел доброту и сочувствие – знак, что она помнит о его великой утрате и пытается утешить. Но было в ее взгляде и что-то еще. Возможно ли, что Екатерина, как почти все, с кем он встречался, тоже попала под власть его обаяния?

Правда, отец очень быстро заставил сына попрощаться с нареченной, и они вернулись в Вестминстерский дворец, а Кэтрин отправилась в дом архиепископа Кентерберийского в Кройдоне, где жила в то время.

– Хорошо, что мы с испанскими монархами смогли получить у папы разрешение на ваш брак, – сказал король, пока они рысью ехали по Стрэнду, а за ними стучали копытами по булыжной мостовой кони немногочисленной свиты короля и принца. – Екатерина была женой Артура, и поначалу мы беспокоились – вдруг она носит его ребенка. Нас заверили, что принцесса до сих пор девственница, но я посчитал разумным получить разрешение, как в том случае, если бы их брак был заключен окончательно. Не допускающее двойного толкования дозволение чрезвычайно важно, так как от законности вашего союза зависит наследование престола.

– Почему так важно, девственница ли принцесса до сих пор? – спросил Гарри, милостиво кивая людям, которые сбегались со всех сторон приветствовать их.

Отец остановил коня.

– Библия предостерегает, что человек, который женится на вдове брата, будет проклят бездетностью, но она же призывает его жениться на ней и растить детей вместо брата. Епископы сказали мне, что главный вопрос – не девственность Екатерины, а носила ли она ребенка Артура, чего, разумеется, не было. Если бы носила, вы не могли бы жениться на ней, Гарри. Но я хотел предусмотреть все. Возможно, что брак был доведен до окончательного заключения, а Екатерина не поняла этого или не заметила, что она недолго была беременна. Только Господу известна правда.

При мысли о Екатерине в постели с Артуром Гарри внезапно ощутил укол ревности. До сих пор он считал, что они возлежали на брачном ложе целомудренно, так как Артур был слишком болен, чтобы предпринимать какие-нибудь решительные действия. Невыносимо было думать, что и тут брат опередил его.

– Но ведь она сказала, что до сих пор дева, – возразил принц. – Она сегодня была в белом платье.

– Это верно, – согласился король. – Екатерина – благочестивая девушка, и я уверен, что она говорила правду. Вам не о чем беспокоиться, Гарри.

1504–1505 годы

Возможности провести с Екатериной больше нескольких минут вдали от бдительного ока отца Гарри пришлось ждать до следующего лета. В августе король пригласил ее в Ричмондский дворец, и она прибыла туда по реке из Дарем-Хауса на Стрэнде, который король предоставил в ее распоряжение.

Ричмондский дворец – огромное причудливое строение с зубчатыми стенами, созданное по образцу дворцов герцогов Бургундских, – был настоящим раем на земле. Гарри помнил, как однажды в Рождество сгорел дотла старый дворец Шин. Вместо него отец возвел это великолепное здание из красного кирпича и камня, с огромными эркерными окнами, сказочными пинаклями и турелями[2], которые завершались куполами в форме колоколов и позолоченными флюгерами. Во дворах, фруктовых и цветочных садах были устроены фонтаны, а кусты, цветы и травы образовывали «ленточные» и «змеиные» узоры; такой нарядный сад по новой моде называли узловым. Вдоль широких дорожек стояли статуи геральдических животных короля. В главной башне, где располагались королевские покои, потолки были выкрашены в

[2] *Пинакль*– в готической архитектуре небольшая декоративная башенка, увенчанная миниатюрным шатром; *турель*– круглая башенка с конусообразной крышей, возвышающаяся над карнизом в верхней части стены здания.

небесно-голубой цвет и усыпаны золотыми розами Тюдоров. Над гейтхаусом красовался герб Генриха VII, который держали красный дракон Уэльса и белая борзая Ричмонда, бывшего графства отца.

Это было радостное время для Гарри, потому что им с Екатериной каждый день позволяли ездить на охоту. Она хорошо умела скакать верхом, не отставала от него и была не слишком щепетильной, когда наставал момент убийства зверя. Принц замечал, что с каждым часом любит ее все больше, и она, несмотря на разницу между ними в возрасте, подавала все признаки того, что тоже без ума от него.

Гарри исполнилось тринадцать лет; его тело менялось, и он начинал понимать, что такое желание на самом деле. Он раздавался в плечах, мышцы его крепли, голос грубел, а внизу скипетр, как ему нравилось называть эту часть своего тела, временами вдруг становился непредсказуемым и неуправляемым. Сильную реакцию вызывали в нем красные губы, или видневшаяся в вырезе платья грудь, или мелькнувшая под подолом лодыжка, когда ее обладательница поднималась по лестнице, и Екатерина во всем ее женском очаровании. Гарри жаждал войти в возраст, когда они станут супругами и он сможет сделать то, что, как он глубоко надеялся, не удалось Артуру. Осталось ждать всего десять месяцев. Время тянулось томительно долго. Он уже был готов к браку, но Церковь по какой-то непостижимой причине установила, что мальчики не могут ложиться в постель со своими

женами, пока им не исполнится четырнадцать.

Тем временем Гарри пользовался любой возможностью для общения с Екатериной, а она явно радовалась тому, что ее все больше вовлекают в жизнь при дворе. Они пировали и танцевали, отправлялись на долгие верховые прогулки по Ричмонд-парку, вместе пели, а Гарри аккомпанировал на подаренной отцом лютне – в общем, наслаждались как могли.

Однако в соответствии с испанскими традициями у принцессы должна быть дуэнья, и у Екатерины она была – донья Эльвира. Отец прозвал суровую матрону Драконом, потому что, когда Екатерина только приехала в Англию, эта женщина воспротивилась его желанию увидеть невесту сына без вуали. Только он презрел ее протесты, и с тех пор они враждовали.

Теперь донья Эльвира, ревностно охранявшая честь своей юной госпожи, всячески давала понять, что возмущена свободой, которой король дозволяет пользоваться Генриху и Екатерине, поскольку опасалась, как бы ее подопечная не унизила себя в глазах англичан столь свободным общением с женихом.

– Дуэнья пожаловалась мне, что вы побуждаете принцессу развлекаться на публике, – со вздохом проговорил отец, вызвав Гарри в свой кабинет, где сидел, укрывшись за высокой стопкой счетоводных книг.

Гарри давно уже изумлялся, почему король, который мог бы жить в свое удовольствие, имея в распоряжении все бо-

гатства королевства, предпочитал тратить время на проверку этих бесконечных колонок цифр. Однако жалоба доньи Эльвиры настолько возмутила его, что он позабыл об этом.

– Мы ничего плохого не сделали! – запротестовал принц. – И Екатерина всегда ведет себя весьма пристойно. Я даже ни разу не поцеловал ее.

Отец хмыкнул:

– Мой мальчик, в Испании все делается по-другому.

– Но Екатерина теперь в Англии!

– Тем не менее я бы очень не хотел, чтобы ваши действия или что бы то ни было другое вызвало недовольство испанских суверенов и поставило под угрозу наш союз. Я скажу Екатерине, что она должна вести себя так, как того требуют ее родители. Пусть соблюдает здесь те же правила, что и у себя дома.

– Но сир…

– Довольно! – Король поднял руку. – В следующем году, когда вы поженитесь, Екатерина будет в вашей власти. А до тех пор пусть слушается меня.

Гарри ушел, кипя от негодования. Он найдет способ видеться с ней, несмотря ни на что. Однако судьба играла на руку дуэнье – Екатерина заболела лихорадкой. Король отправился в Вестминстер и взял ее с собой, а Гарри остался в Ричмонде, едва не обезумев от злости и досады. Почему с ним так обращаются, ведь он ничем этого не заслужил? Что плохого в желании проводить время со своей будущей же-

ной?

Он забыл о своем недовольстве жизнью, когда узнал, что Екатерину, которой серьезно нездоровилось, отправили обратно в Дарем-Хаус. Ее лихорадило, написал отец, и она совсем потеряла аппетит, хотя врачи были уверены, что принцесса скоро поправится. Каждый день король отправлял гонцов справляться о здоровье Екатерины и сам хотел навестить ее, однако она слишком плохо себя чувствовала, чтобы принимать такого гостя.

Какая ужасная новость! А вдруг Екатерина умрет? Гарри не мог и подумать об этом. Она должна стать его королевой. Другой он не желал. Следующие несколько ночей он провел почти без сна, терзаемый предчувствием самого страшного исхода.

К великому облегчению Гарри, Екатерина выздоровела, но ко двору не вернулась. Незадолго до Рождества из Испании пришла новость о кончине королевы Изабеллы. Рыцарственное сердце Гарри устремилось к Екатерине. Ему была знакома боль утраты матери. Он желал быть рядом со своей нареченной и утешать ее. Но даже в это тяжелое время отец не позволил им видеться. Какая бесчеловечность! Гарри надеялся, что Екатерина ощутит его сочувствие, и горячо молился об этом.

Но вот наконец отец послал за ним. Негодующий сын стоял перед королем и едва сдерживал желание высказать во всеуслышание свое возмущение великим отцовским жесто-

косердием. Но разум короля тяготили совсем другие мысли.

– То, что я собираюсь сказать вам, Гарри, должно остаться между нами. – Он смерил своего отпрыска строгим взглядом. – Испания горько скорбит о смерти королевы Изабеллы, и это вполне понятно, ведь страна вновь будет разделена надвое. Король Фердинанд не имеет прав на престол Кастилии, и теперь это королевство перейдет к наследнице Изабеллы, ее старшей дочери Хуане. А мы, мальчик мой, отныне связаны союзом не с сильной, объединенной Испанией, а с гораздо менее значительным королевством Арагон. Вы понимаете меня?

Гарри понимал, но лучше бы он ничего этого не знал. Он молча уставился на короля, не желая осознавать значение сказанного во всей полноте.

– Печальный факт состоит в том, что статус и политическое значение Екатерины в одночасье понизились. – («Боже правый! – вскипел про себя Гарри. – Такие слова достойны торговца, а не короля!») – Теперь для наследника английского престола могут считаться более подходящими и выгодными иные брачные союзы.

– Нет! – категорически заявил Гарри. – Мне нужна Екатерина, и никто другой.

– Вы будете делать так, как я скажу, мальчик мой, а я выберу наилучший для Англии вариант, знайте это.

– Но отец…

Король предостерегающе поднял палец:

– Хватит! Решение принято. Я прекращаю выплачивать Екатерине содержание, и она будет жить при дворе, чтобы мне не приходилось тратиться на содержание ее отдельно. Она останется в уединении со своими слугами, а вы не будете пытаться разговаривать с ней без моего дозволения. Вы будете вести себя так, словно ваш брак с Екатериной состоится. А я тем временем подумаю о других партиях для вас. Не глядите на меня волком, мальчик, вам это не идет. А теперь возвращайтесь к своим занятиям.

Гарри ушел, сжимая кулаки от бессильной ярости. Ему была нестерпима мысль, что с его дорогой Екатериной обращаются так подло. Лишь бы она не заподозрила, будто он одобряет поведение отца! – мысленно взмолился Гарри. Если бы только ему представилась возможность увидеться с ней хотя бы мельком, тогда он мог бы передать ей, что любит ее и не откажется от своей клятвы верности. Но и после того, как Екатерина поселилась в Ричмондском дворце, Гарри редко видел ее даже издали, а когда это случалось, принца неприятно поражало, какими заношенными и истертыми выглядят платья его невесты. Обида на отца переросла в злость.

Однако четырнадцатый день рождения принца неуклонно приближался. Отец наверняка примет решение до этого дня, и Гарри хотел, чтобы король с уважением отнесся к уже заключенному брачному договору. Но вскоре стало совершенно ясно, что никаких приготовлений к свадьбе не ведется.

Неопределенность была мучительна. Однажды вечером

Гарри постучал в дверь отцовских покоев, и его провели в королевскую опочивальню. Король, закутанный в бархатный ночной халат, сидел на стоявшем в изножье кровати сундуке и просматривал стопку каких-то бумаг.

– Да, Гарри, в чем дело? – спросил он довольно дружелюбно.

– Отец, что с моим браком? Он должен состояться вскорости. Каковы ваши намерения? – Гарри старался, чтобы в его тоне не слишком явственно звучала укоризна.

– Я еще не решил. – Король нахмурился. – Нужно принять во внимание многие детали. За Екатериной дают отличное приданое, из которого мы пока получили только половину. Честно говоря, мне не хотелось бы отказываться от остального. Более выгодной партии до сих пор не подвернулось. Я склоняюсь к тому, чтобы откладывать ваш брак как можно дольше и ждать, не появится ли какой-нибудь другой вариант.

– Но это несправедливо по отношению ко мне и Екатерине! – воскликнул Гарри.

– Это политика, мальчик, и вы поступите правильно, если извлечете урок из этой ситуации, – мягко проговорил отец. – Мы не должны отметать никакие возможности. Накануне вашего дня рождения вы предстанете перед епископом Винчестерским и возьмете назад свои обещания, данные во время помолвки, на том основании, что вы тогда были малы и по закону неправоспособны, чтобы принимать такие реше-

ния самостоятельно.

Гарри ужаснулся и сжал кулаки:

– Но я тогда хорошо понимал, что делаю!

– Это не имеет значения. Мне необходимо сделать так, чтобы, если подвернется лучшая партия, не возникло сложностей с разрывом вашей помолвки. И вы будете держать все в тайне. Это приказ!

Гарри не мог поверить, что его отец способен на такое холодное безразличие, расчетливость и даже жестокость. Ему отчаянно хотелось увидеться с Екатериной, предупредить ее о том, что грядет, и объяснить, что он сам к этому непричастен. Ему даже пришла в голову отчаянная мысль ворваться в покои принцессы и выложить ей всю правду, прежде чем его успеют остановить. Но от этого, вероятно, станет только хуже, и какую бы ненависть ни питал Гарри к своему отцу в тот момент, он все равно боялся его и понимал: когда настанет момент отречения от помолвки, ему придется это сделать.

Как-то в октябре король размашистой походкой вошел в спальню Гарри:

– Мальчик мой, у меня для вас хорошие новости. Я вступил в секретные переговоры с королевой Хуаной и королем Филиппом о браке между вами и их дочерью Элеонорой.

На миг Гарри онемел. Хотя его заставили отказаться от данных во время помолвки обещаний, он все еще надеялся

заявить права на свою невесту.

– Но королева Хуана – сестра Екатерины. Неужели она согласится на такую подмену? – возразил он.

– Сомневаюсь, что ее слово хоть что-нибудь значит в этом деле. Кастилией правит ее муж, Филипп Бургундский, и его желание – закон для нее. Филиппа возмущает вмешательство Фердинанда в дела Кастилии, и он видит в этом браке средство отомстить тестю. К тому же я полагаю, он предложит большое приданое.

У Гарри упало сердце.

– Но инфанта Элеонора наверняка еще очень мала.

– Ей шесть лет, к двенадцати годам она созреет для брака, а время летит быстро. Не забывайте, юную супругу легче подчинить своей воле, чем ту, которая старше годами. Вам всего четырнадцать, а Екатерине уже почти двадцать, и получить власть над ней в качестве супруга будет непросто. У нее сильный характер.

Отец все видел в неверном свете. Екатерина неизменно проявляла только покорность и уважение.

– Брак с Элеонорой гораздо выгоднее, чем с Екатериной, – продолжил король. – Ее мать – королева Кастилии и наследница Арагона, а отец получит все земли Габсбургов и однажды может стать императором Священной Римской империи.

Но Элеонора не Екатерина. И Гарри совсем не пришлась по вкусу идея отсрочить женитьбу на шесть лет.

Однако отец был неумолим:

– Мальчик мой, лучше вам привыкнуть к этой мысли. Я намерен добиваться для вас этого брака.

1506 год

Начался новый год. Гарри с тревогой наблюдал, как его отец пытается нагреть руки на почти фатальной катастрофе. Узнав, что корабль, на котором Хуана и Филипп плыли из Бургундии в Испанию, потерпел крушение у берегов Англии, король Генрих с почти неподобающей монарху поспешностью кинулся выручать их и пригласил погостить в Виндзоре. По словам отца, Филипп тоже стремился к встрече с ним, так как решил заключить помолвку своей дочери с принцем Уэльским и вбить клин между Генрихом Английским и Фердинандом Арагонским. Стихия сыграла на руку обоим монархам.

Вопреки всему Гарри был очарован Филиппом Красивым, который воплощал в себе все добродетели и величие, какими должен обладать правитель. А вот Хуана, которая держалась отстраненно и совсем не участвовала в торжествах, ему совсем не понравилась: казалось, она занята исключительно своим мужем, заискивает перед ним, а тот явно стеснялся столь открытого выражения ревнивой привязанности к нему супруги. Дамам не к лицу выставлять свои чувства на всеобщее обозрение, подумал Гарри.

Екатерину спешно вызвали в Виндзорский замок для краткой встречи с сестрой. Отец не хотел, чтобы кастильские монархи заметили, что он оказывает их кровной родственнице меньшее почтение, чем она того заслуживает, а потому из кожи вон лез, лишь бы отвести Екатерине заметную роль в празднествах. Гарри затрепетал от благоговения, когда она заняла почетное место подле него под балдахином с королевскими гербами, но отец восседал на троне рядом с ними, а потому у принца не было никакой возможности выразить, что творится у него на душе, и он поневоле ограничился простыми словами вежливости, но постарался передать ей свои чувства взглядом и подумал, что она их поняла, судя по ее глазам.

Отец попросил Екатерину надеть испанское платье и развлечь Филиппа, исполнив вместе с ее дамами танец. Однако Филиппа это не слишком обрадовало, и когда Екатерина предложила ему встать в пару с ней, он вежливо отказался и возобновил прерванный разговор с королем Генрихом. На освобожденное для танцев место вышла десятилетняя принцесса Мария и сделала весьма изящный реверанс, и тут Гарри понял: судя по всему, Филиппу неприятно, что Екатерине отведено такое заметное место при дворе, особенно если не упускать из виду его намерение подставить на место Екатерины свою дочь. Вероятно, отец именно на это и рассчитывал, желая сделать Филиппа более сговорчивым и улучшить для себя условия сделки. О, у него хватило бы коварства за-

мыслить такое! Гарри заметил, что Екатерине дали провести наедине с Хуаной не больше получаса. Разумеется, король Генрих не хотел, чтобы она поведала о своих горестях сестре и весть об этом донеслась до их отца.

Филипп уделил много внимания Гарри, которого постарался обаять, пустив в ход свои знаменитые чары. И принц поддался. Филипп был сыном могущественного Максимилиана, императора Священной Римской империи; когда-нибудь он станет хозяином всей Испании и Империи. Стоило подружиться с таким великим правителем и заручиться его доверием – пригодится в будущем. Когда в апреле Филипп и Хуана покидали Англию, Гарри прощался с ними не без сожаления, хотя испытывал облегчение, ведь по поводу его брака ничего не было решено.

Той осенью в Англию пришла худшая новость, какую Гарри слышал после смерти матери: Филипп скончался. Страшно было думать, что столь великолепный принц отправился к праотцам таким молодым: ему было всего двадцать восемь. Пятнадцатилетний Гарри пребывал в том впечатлительном возрасте, когда эта трагедия вновь с разящей остротой напомнила ему, что человек смертен и Господь может призвать его к себе в любое время. Он начал опасаться малейшего недомогания, даже намека на болезнь.

Незамедлительным следствием кончины Филиппа стало укрепление позиций Екатерины при дворе, и у Гарри появились основания для надежды, что отец уже не так силь-

но жаждет женить его на Элеоноре. Если бы только король Фердинанд выплатил оставшуюся часть приданого Екатерины, все могло бы сложиться хорошо. Но ничто его к этому не обязывало, пока брак не заключен, хотя отец, вопреки очевидности, ожидал такого исхода. Пусть бы король Фердинанд продемонстрировал, что принимает интересы дочери близко к сердцу. Гарри очень этого хотелось. Зачем два старика мешают счастью молодых? Это так несправедливо!

Глава 2

1507 год

В каком бы дворце ни обосновывался двор, король неизменно приходил в спальню Гарри и вел с ним полночные дискуссии о государственных делах, которые в основном сводились к нотациям на тему, как следует его сыну вести себя, когда он станет королем, чтобы наилучшим образом ставить в тупик своих врагов. Гарри считал, что отец проповедует ему очевидные истины, и скучал. Он мог бы посвятить это время гораздо более интересным занятиям. Брэндон и Комптон, закадычные приятели принца, как и он, имевшие страсть к воинским забавам и спорту, часто буянили на улицах, напивались или спали со шлюхами. Не дай бог, отец узнает об этом, ведь друзья были для Гарри хоть какой-то отдушиной в его скучной жизни, пусть даже он разделял их радости лишь заочно. Он даже девушку ни разу не поцеловал. Втайне ему очень хотелось узнать, каково это – оказаться внутри женщины, но он не видел для себя никакой возможности испробовать это, так как за ним пристально следили. Вот почему он столь страстно хотел жениться. Хвастовство друзей отчасти казалось ему безвкусицей; в их устах все это звучало так низко, так пошло. С Екатериной у них все будет по-другому,

он не сомневался. Акт зачатия должен быть особенным, когда совершаешь его с тем, кого любишь.

Вечером у отца бегали глаза.

– Гарри, хочу вам сообщить: я раздумываю о заключении брака с королевой Хуаной.

У Гарри язык прилип к нёбу. Последствия такого поступка были бы весьма широкими.

– Но я хочу жениться на Екатерине, – наконец пролепетал он.

Король улыбнулся:

– Нет, мой мальчик, я намерен жениться на Хуане. Ее красота пленила меня, когда она приезжала в Англию, к тому же благодаря этому браку я стану королем Кастилии. Но мне не добиться своего без согласия Фердинанда. Только это остановило меня от разрыва вашей помолвки с Екатериной.

Перспектива женитьбы престарелого отца на Хуане потрясла Гарри, хотя он понимал, что возраст редко берется в расчет, когда речь идет о заключении брачных союзов между королевскими особами. Представлять себе отца, который вожделеет к королеве Кастилии, Гарри было неприятно; это казалось отвратительным и выглядело предательством по отношению к матери. К тому же Хуана, далекая, нервная и странная, по его мнению, не подходила на роль королевы Англии. Однако Гарри не протестовал. По крайней мере, отец демонстрировал доброе расположение к Екатерине, пусть даже подоплекой было желание, чтобы она склони-

ла короля Фердинанда в его пользу. Правда, доброта короля не простиралась настолько далеко, чтобы он разрешил Гарри и Екатерине проводить время вместе; принц считал это немилосердным.

Тем не менее кое-какие исключения для них были сделаны. Во время празднования шестнадцатилетия Гарри Екатерине позволили почтить своим присутствием устроенный в его честь турнир. Принц упивался возможностью покрасоваться перед ней – показать свою рыцарскую удаль на ристалище, продемонстрировать, какой он умелый наездник и турнирный боец. Гарри вырос – стал выше отца – и набрался сил, его могучие руки и ноги благодаря развитой мускулатуре имели красивые формы; он понимал, что являет собой образец статного юноши. Люди превозносили его на все лады, а испанский посол сказал ему прямо в лицо, что во всем мире нет более красивого молодого человека. Гарри заметил, что простой народ любит его: где бы он ни появился, ехал верхом по Лондону или по сельской округе, обычно следом за отцом, люди сбегались отовсюду поглазеть на него, а он обнаружил в себе способность говорить с ними дружелюбно и выслушивать их жалобы. Этого умения быть на короткой ноге со всяким человеком не хватало королю. Никто не осмеливался обращаться с ним так фамильярно.

Разница в возрасте между Гарри и Екатериной, казалось, сократилась по мере приближения принца к взрослой жизни. Они оба созрели для брака, но король по-прежнему от-

кладывал решение. Гарри начал опасаться, что отец никогда его не примет, и с грустью думал о том, как, должно быть, огорчают постоянные отсрочки Екатерину; ей двадцать один год, юность остается у нее позади. Однако все его протесты ни к чему не вели.

Гарри не терпелось сыграть свою роль в мире, повзрослеть, избавиться от опеки отца. Ему наскучило ждать, когда же он наконец станет королем. Юный принц мечтал о воинской славе и рыцарских подвигах не меньше, чем о своей любимой Екатерине. Из-за нее его симпатии в политике тяготели к Испании. Да и как могло быть иначе, если он жаждал завоевать Францию, главного врага испанцев и англичан? Сто семьдесят лет назад предок Гарри, король Эдуард III, заявил претензию на французский престол и одержал великую победу в Столетней войне. С тех пор английские короли носили на своих гербах, разделенных на четверти, королевские лилии Франции вперемежку с английскими львами, а примерно сто лет назад король Генрих V одолел французов в битве при Азенкуре и сделался королем Франции. Гарри никогда не надоедало слушать рассказы о благородных подвигах предков, и он прочел все исторические хроники о тех событиях, какие только имелись в королевской библиотеке. Принц был полон жгучего желания стать вторым Генрихом V и вновь захватить французский трон, утраченный шестьдесят лет назад, когда долгая война пришла к бесславному завершению. Он уже видел себя в Реймсском соборе, где вен-

чают на царство французских королей, встающим на колени в лучах славы, дабы принять вожделенную корону. Он станет королем, которого будут помнить и чтить как нового завоевателя Франции, он возвеличит Англию на долгие века.

Гарри не понимал, почему отец не разделяет его устремлений, почему не позволяет ему повести в бой армию, переправившись через Английский канал. Вместо этого во время одной из полночных бесед вскоре после его дня рождения король рассмеялся, услышав из уст сына эту идею.

– Война – дело затратное, мальчик мой, – сказал он, кутая свое тщедушное тело в ночной халат. – Я могу придумать лучшие и более разумные способы потратить свои деньги. Гораздо выгоднее поддерживать дружеские отношения с другими странами, чем воевать с ними. Кроме того, я не могу допустить, чтобы вы рисковали жизнью. У меня нет других сыновей. Что будет с Англией, если вас убьют на поле боя? Здесь снова начнется гражданская война.

Гарри знал, что является живым воплощение мира, наставшего в стране благодаря браку его родителей. Мать была наследницей дома Йорков, а отец – единственным мужским потомком дома Ланкастеров. Их союз положил конец многолетнему конфликту между двумя соперничающими родами. Отец никогда не признавал, что обязан короной браку с матерью, так как получил ее по праву победителя, но Гарри не сомневался, что ее право было первичным.

Некоторые родственники покойной королевы имели бо-

лее обоснованные притязания на трон, чем отец, к примеру ее сестры, хотя с этим можно спорить. Тетя Кэтрин была замужем за Уильямом Куртене, графом Девоном, который уже много лет томился в Лондонском Тауэре за то, что подстрекал одного самозванца к захвату трона. Детство Гарри омрачали угрозы со стороны нескольких таких фальшивых претендентов на престол: он помнил, как мать ради безопасности спешно уводила его в Тауэр, когда вторжение войска во главе с Перкином Уорбеком, самым опасным из этих проходимцев, считалось неизбежным, так что тревога отца была ему ясна, хотя у него самого это вызывало досаду.

Тетушку Сесилию, которая жила вместе с бабушкой Гарри, леди Маргарет, удалили от двора за вступление в брак с человеком более низкого, чем она сама, ранга. Тетя Анна была замужем за лордом Томасом Говардом, наследником графа Суррея, а тетя Бриджит монашествовала в Дартфорде. Но все они женщины, а женщинам не пристало владычествовать над мужчинами. Гарри про себя усмехался, представляя, как шли бы дела в Англии под руководством его взбалмошной сестры Маргариты, которая теперь была королевой Шотландии и, без сомнения, устраивала веселую жизнь своему супругу, королю Якову. На самом деле это вовсе не было весело, так как в случае смерти Гарри она становилась наследницей вместо него и Яков мог завладеть Англией, а этого допустить нельзя. Шотландцы, как и французы, были давними врагами Англии, и Гарри решительно намеревался в один

прекрасный день поставить их под английское владычество.

– Началась бы кровавая резня, если бы я умер без наследника, – сказал отец, выводя Гарри из задумчивости. – Никого больше нет, кто имел бы основательные притязания на трон, за исключением женщин. Но некоторые из них замужем, имеют сыновей и амбициозных мужей. Почему, по-вашему, я держу юного Генри Куртене при вашем дворе? Чтобы присматривать за ним. То же самое и с вашими кузенами Поулами. Я выказал милость к ним, дабы заручиться их верностью. – Король встал и принялся ворошить угли в камине.

– Куртене мне не изменит, – уверенно заявил Гарри.

Ему нравился восьмилетний кузен, который ходил за ним по пятам, как обожающий раб, и всегда становился жертвой злых розыгрышей.

– Любой человек может предать вас, если его поманить перспективой обретения короны, – строго произнес отец. – Почему, вы думаете, мне пришлось казнить графа Уорика?

– Этому простаку заморочил голову самозванец Уорбек.

– А кроме того, он был сыном вашего двоюродного деда, герцога Кларенса, казненного за измену, и нашлись люди, которые после битвы при Босворте желали сделать его королем. У меня не оставалось выбора, кроме как посадить Уорика в Тауэр. Он вырос недоумком, не умел отличить гуся от петуха, и все равно представлял для меня угрозу.

– Но ведь он был сыном человека, лишенного прав и состояния и казненного за измену, ему запрещено наследовать

трон, – возразил Гарри.

– Акты о лишении прав и состояния могут быть отменены, – мрачно ответил отец. – Вы полагаете, мне хотелось обрекать бедного Уорика на смерть? Иногда, Гарри, королям приходится делать очень неприятный выбор. Но измену всегда должно подавлять и искоренять.

– Несомненно, – энергично кивнув, согласился Гарри.

Это был вопрос, в котором они с отцом сходились прочно. Измена – самое отвратительное из преступлений, потому что она бьет по священной особе монарха и подрывает богоданный порядок в мире.

– Королей все обязаны слушаться, – продолжил отец, – так велел Господь, и слушаться беспрекословно. Король имеет право ожидать такого же почитания и послушания от своих подданных, какие сам проявляет к Богу, так как закон короля есть Закон Божий, а королевские исключительные права – это Господня воля, проявляющая себя в воле короля. Поэтому король не может поступать неправильно, а измена – это самое серьезное преступление, и за нее нужно карать самым суровым образом для примера и в устрашение другим.

Гарри снова кивнул. Он знал, какое ужасное, но справедливое наказание закон предусматривал для предателей. Их тащили на волокушах от тюрьмы до места казни, так как считалось, что они недостойны идти по земле, затем душили до полусмерти путем повешения, потом, еще живыми, резали, кастрировали и потрошили и наконец обезглавливали,

а головы и четвертованные тела выставляли на обозрение публики в качестве спасительного предостережения тем, кто впредь задумает совершить измену. Пэрам королевства король обычно заменял эту позорную казнь на отсечение головы.

Для себя Гарри решил, что, когда настанет его время, будет обходиться с изменниками сурово. Он не собирался терпеть постоянное ощущение угрозы, терзавшее отца на всем протяжении его правления, или попустительствовать вымогательству таких хватких людей, как Ричард Эмпсон и Эдмунд Дадли, которые служили королю с подрывавшей репутацию короны жестокостью. Он нагонит благоговейного страха на своих родовитых подданных и подчинит их себе, так что они не посмеют ополчиться против него и будут исполнять его волю.

Король зашелся кашлем. В последнее время Гарри заметил, что лицо отца осунулось и на нем залегли глубокие морщины, в глазах появились печаль и обреченность. Раньше ему никогда не приходило в голову, что отец может чувствовать себя одиноким. Поговаривали, будто он близко сошелся с прекрасной вдовой Уорбека, леди Кэтрин Гордон, которая когда-то служила у матери, и до появления слухов о его возможной женитьбе на королеве Хуане люди судачили, что король-де хочет взять леди Кэтрин в жены. Однако Гарри не особенно доверял слухам. Отца скорее затребует могила, чем брачная постель, если судить по тому, что он видел у се-

бя перед глазами. Ему было почти жаль своего родителя.

1508 год

На заседании Совета Гарри ерзал на месте, с трудом сдерживая раздражение. Никаких разговоров об интересе отца к Хуане больше не велось, но и сам Гарри ничуть не приблизился к желанному браку. В последние несколько месяцев от него требовали присутствия на этих скучнейших собраниях, дабы он ознакомился с работой правительства, но эти занудные старики бубнили что-то бесконечно долго. Неужели нельзя закончить побыстрее, тогда он мог бы пойти на ристалище. За окном такой прекрасный весенний день, а ему приходится сидеть взаперти в этой душной комнате, где жарко пылает огонь в камине, потому что отца бьет озноб. Гарри усиленно гнал от себя дремоту.

Вдруг он навострил уши.

– Что касается женитьбы принца, – говорил король, – отношения с королем Фердинандом заметно ухудшились, и я намерен возобновить переговоры с императором Максимилианом о браке его высочества с Элеонорой Австрийской. Мой сын едва ли имеет большую склонность к женитьбе на принцессе Екатерине. Кроме того, законность их союза все равно будет вызывать сомнения.

Гарри сердито глянул на отца. Едва ли имеет большую склонность? С чего это он взял?

Принц ничего не сказал. Какой смысл, если король в любом случае настоит на своем. Вместо этого Гарри, вырвавшись наконец на улицу, выпустил пар на ристалище и сбивал с седла одного противника за другим. Когда-нибудь он получит свободу и будет сам себе голова.

Однажды прекрасным летним днем Гутиер Гомес де Фуэнсалида, новый посол Фердинанда, подошел к Гарри, когда тот играл в шары со своими юными джентльменами. Увидев, что его ожидает дородный, почтенный с виду испанец, Гарри оторвался от своего занятия, и они вместе стали прогуливаться по посыпанной гравием дорожке между клумбами с розами.

– Ваше высочество, вы, вероятно, понимаете, что король Генрих находится в последней стадии чахотки, – робко начал посол.

– Да, – ответил Гарри, хотя на самом деле не вполне сознавал, насколько тяжело болен отец.

Фуэнсалида прочистил горло.

– Это деликатное дело, ваше высочество. Мой государь считает, что негоже настаивать на вашем браке с принцессой Екатериной, пока король жив, но я должен заверить вас в великой любви, которую питает к вам король Фердинанд. Он велел мне сказать, что вы можете рассчитывать на него и его королевство во всем.

Гарри улыбнулся. Как приятно! Если он соберется вое-

вать с Францией, ему понадобится поддержка Фердинанда. Но лучше проявлять осмотрительность.

– Я благодарю его величество за дружбу, – сказал Гарри. – И молюсь, чтобы вскоре она была скреплена моим браком.

Но вот отец никак не умирал и все так же имел намерение получить приданое Екатерины до того, как женит на ней сына. Когда Гарри сообщил ему о намеках Фуэнсалиды, что король Фердинанд по-прежнему желает заключения брака, отец фыркнул:

– У него много корон, но нет денег выплатить приданое дочери! И отчего Фуэнсалида решил влезть в это дело и обсуждать его с вами? В этом королевстве решения принимаю я!

Кипя от возмущения, Гарри отвернулся. Да неужели отец никогда не позволит ему жениться! Однако, судя по ходившим при дворе разговорам и брошенным вскользь замечаниям друзей, Гарри заключил: английские дворяне желали в будущем видеть Екатерину своей королевой. Очевидно, депутация знати приходила к королю и, стоя на коленях, убеждала его согласиться на этот брак. Но ничего не вышло. Отец, заходившийся жутким кашлем, продолжал цепляться за власть. Неужели он не видит, что сын уже достаточно возмужал для женитьбы и его вступление в брак крайне важно с политической точки зрения, ведь королевство находится в опасности, когда у него только один наследник?

Гарри не мог больше этого выносить. Ему исполнилось

семнадцать, он уже взрослый мужчина, а отец держит его под строжайшим надзором, как юную деву. В отличие от Артура, который, когда проходил подготовку к вступлению на престол, председательствовал в Совете Валлийской марки, заседавшем в замке Ладлоу, Гарри не исполнял никаких королевских обязанностей. Ему дозволялось покидать дворец только через дверь, которая вела из личных покоев короля в сад, и его всегда должны были сопровождать приставленные отцом компаньоны. За принцем постоянно следили, а посему мало кто отваживался приближаться к нему или разговаривать с ним. Гарри оставил попытки найти при дворе близких по духу людей и предпочел углубиться в себя, не произносил на людях ни слова, разве что отвечал на вопросы отца.

Все разговоры, которые велись при нем, касались добродетели, чести, мудрости и рыцарских подвигов. В присутствии принца никогда не упоминали ни о чем таком, что могло бы склонить его к любому пороку, и такое обращение могло быть заведено только по личному приказанию отца. Казалось, король не уверен в том, что его сын по собственной воле выберет путь добродетели, и Гарри кипел от негодования, считая, что ничем не заслужил такого отношения к себе. Как будто у него в принципе имелась возможность вести себя безнравственно! Когда он думал, чем занимаются его приятели…

Находясь в изоляции и досадуя на невидимые узы, которыми его опутали, Гарри стал проводить бóльшую часть вре-

мени в своей комнате, расположенной за отцовской спальней. Он не прекращал занятий, жадно читал труды Фомы Аквинского, Отцов Церкви и античных классиков, делая на полях пространные заметки. Ученые мужи, даже Эразм Роттердамский и Томас Мор, хвалили его познания, но больше всего Гарри жаждал услышать хотя бы одно слово похвалы от своего отца. Но их разделял широкий пролив взаимного недовольства, и Гарри силился понять, что он сделал не так. Причина в том, что он не Артур? Ну, с этим ничего не поделать. Иногда Гарри казалось, что отец ненавидит его. Конечно, он же никогда не выказывал любви к младшему сыну.

Однажды в разгаре лета несчастный Гарри решил бросить вызов своему мучителю.

– Да, Гарри. – Отец поднял глаза от счетной книги. – Что вам надо? – Он был занят и, очевидно, не хотел, чтобы его отрывали от дела.

Гарри сразу почувствовал себя побежденным.

– Я не стану беспокоить сейчас вашу милость, – сказал он и повернулся, чтобы уйти.

Король отложил перо и вздохнул:

– Нет-нет, останьтесь. Что я могу для вас сделать?

Гарри набрал в грудь воздуха:

– Сир, мне хотелось бы играть более заметную роль в управлении. Почему вы не даете мне никакой власти?

Отец нахмурился:

– Как сказал однажды наш предок Вильгельм Завоеватель, у меня не в обычае раздеваться, пока я не пойду ложиться спать. Управляю здесь я, и пока это так, вы будете делать то, что скажу я. Не думаю, что вы готовы распоряжаться властью. Ваша скука на заседаниях Совета очевидна всем. Ясно, что вы предпочли бы покинуть заседание и заняться какой-нибудь спортивной игрой, чем стали бы учиться искусству управления государством. Вы лелеете романтические мысли о браке, когда вашим сердцем должна руководить голова. Так что пока вам следует показать мне готовность наблюдать и учиться у тех, кто мудрее вас.

– Это несправедливо! – возразил Гарри, повышая голос. – На Артура вы возлагали ответственность, а он был тогда моложе меня.

– И имел больше достоинства! – оборвал его отец.

– Вы это так называете? В нем не было нужных для короля качеств! – Гарри пожалел о сказанном, как только эти слова вылетели у него изо рта; лицо отца побагровело.

– Артур понимал, что безрассудство и искание славы – нежелательные для короля качества, – едким тоном проговорил король.

– Вы бы не сказали так о Генрихе Пятом! – крикнул Гарри, теряя терпение. – Не безрассудная ли отвага и искание славы помогли ему завоевать Францию? Когда я стану королем…

– Вы пока еще не король! – взревел отец.

– Очень жаль! – бросил ему Гарри, дрожа от гнева.

– Убирайтесь с глаз моих, пока я вас не убил! – прошипел король, вставая и протягивая руку к кинжалу, но его вдруг согнул пополам приступ кашля. – Вон! – задыхаясь, прохрипел он.

Гарри не пришлось просить дважды. На мгновение он и впрямь испугался, что отец вот-вот вонзит в него кинжал. Видно, король и вправду его ненавидит. Что ж, это чувство взаимно!

Вернувшись в свою комнату, Гарри попытался успокоить бурно вздымавшуюся грудь и схватил с полки книгу по астрономии. Изучение движения небесных тел давно увлекло его и сейчас поможет отвлечь мысли от случившегося. Гарри кинулся в кресло и трясущимися руками раскрыл том. Слова и диаграммы бессмысленно плясали перед глазами и не давали скрыться от обуревавших его чувств.

И вдруг Гарри осенило. Ну конечно! Отец боялся его и ревновал! Он понимал, какими способностями и какой силой обладает сын, и, быть может, опасался наделять его властью сверх меры, чтобы тот не начал представлять угрозу для него самого. Это было весьма и весьма вероятно, ведь кто из подданных короля не отдал бы предпочтение прекрасному, хорошо образованному, пылающему жаждой побед молодому человеку перед больным монархом, вечно сидевшим, уткнув нос в счетоводные книги?

Эту постоянную опеку невозможно больше терпеть! – кипятился про себя Гарри. В следующем июне ему стукнет во-

семнадцать, он достигнет совершеннолетия. Дай бог, чтобы тогда отец понял: нельзя и дальше обходиться с ним как с ребенком.

Когда отец и сын снова встретились в зале Совета, король был холоден со своим отпрыском. Хорошо еще, что там собралось много лордов, в противном случае ссора могла вспыхнуть вновь, так как Гарри по-прежнему чувствовал, что с ним обошлись дурно и сам он сильно обидел короля. Тот больше не приходил в его спальню и не вел с ним доверительных бесед. Когда они встречались при дворе, отец держался отстраненно и имел вид непреклонной суровости. Гарри это огорчало, но он не покорился. Если отец рассчитывал получить от него извинения, долго же ему придется этого ждать – так велика была обида Гарри.

1509 год

С течением месяцев, медленно и постепенно отношение короля к сыну менялось, становилось более спокойным и наконец смягчилось до того, что они если и не питали теплых чувств друг к другу, то, по крайней мере, могли вести вежливую беседу. Отец перестал постоянно распекать сына и отпускать саркастические замечания по поводу его недостатков.

Хорошо, что их отношения пошли на лад, так как король явно сдавал. Одежда висела на нем мешком, а присту-

пы кашля так жестоко сотрясали его тщедушное тело, что на бедного страдальца жалко было смотреть. И тем не менее король не выпускал из рук бразды правления, а Гарри не отваживался спросить, не хочет ли отец переложить на него часть бремени государственных дел?

Вместо отозванного Фуэнсалиды в Англию прибыл новый посол Луис Карос. В апреле он подкараулил Гарри в Ричмондском дворце, когда тот шел ужинать.

– Ваше высочество, простите, что обращаюсь к вам, но я безуспешно пытался получить аудиенцию у короля. Мне сказали, он слишком болен, чтобы встречаться со мной.

Слишком болен? Неужели момент, которого Гарри так долго ждал, наконец близок?

Он не стал выуживать из посла информацию. Это было бы унизительно. Иностранному сановнику ни к чему знать, что наследник престола не имеет понятия о тяжелом состоянии отца.

– Могу я чем-нибудь быть полезен вам вместо него? – спросил принц с серьезным и торжественным выражением на лице.

– Благодарю, ваше высочество. Речь идет о вашем браке с принцессой Екатериной. Мой государь, король Фердинанд, желает, чтобы он состоялся как можно скорее.

– Таково и мое желание, – ответил Гарри. – Будьте уверены, я делаю все, что в моих силах, для осуществления плана нашей женитьбы. – И он его осуществит, как только взойдет

на престол. – Когда моему отцу станет лучше, я передам ему ваши слова.

– Могу я от лица своего государя пожелать его милости счастливого выздоровления? – спросил Карос.

– Благодарю вас, милорд посол, – ответил Гарри и пошел дальше, уже ощущая себя королем.

Через два дня поздно вечером Гарри сидел в своей комнате и размышлял над конструкцией огромной бомбарды, которую рассчитывал когда-нибудь использовать против французов. Вдруг он встревожился, обратив внимание на какое-то суетливое движение и усилившийся шум за дверью, в спальне короля. Уже больше суток отец мучился в предсмертной агонии, терзаемый последними приступами болезни. Утром Гарри с ужасом увидел, как тот посерел и отощал. Врачи сказали ему, что теперь осталось недолго. Внутри Гарри шевельнулось чувство освобождения и триумфа, но он не дал ему воли. Не время было ликовать.

Гарри оставался у постели отца, как приличествовало моменту, отчаянно желая покинуть эту обитель болезни и увядания, пока король не махнул ему рукой, разрешая уйти, и не попросил молиться за его избавление от страданий. Гарри, как послушный сын, удалился в свою молельню и обратился за заступничеством к Господу, затем вернулся к себе в комнату и постарался чем-нибудь занять себя.

Вдруг объявили о приходе Томаса Уолси, капеллана отца.

– Милорд принц, король, ваш отец, зовет вас. Поспешите, ибо он in extremis[3].

– Почему меня не позвали раньше? – возмущенно спросил Гарри. – Меня это касается больше других.

– Простите, сир, но его милости внезапно стало хуже. Давайте поторопимся!

В освещенной свечами опочивальне короля было многолюдно. Лорды, государственные советники, служители двора и врачи толпились вокруг кровати, воздух был спертый – пахло болезнью и подступающей смертью. Гарри застыл на месте, не смея приблизиться к изможденной фигуре, лежавшей на постели и хватавшей ртом воздух, но костлявые пальцы отца тянулись к нему, как когти.

– Гарри, мой мальчик! – прохрипел король. – Послушай меня!

Принц неохотно опустился на колени рядом с королем и взял его за руку:

– Отец…

– Я умираю, сын мой. Скоро вы станете королем. Мои советники поклялись, что передача власти пройдет гладко. – Хриплый голос умирающего слабел. – Прежде чем отправиться на встречу с Создателем, я повелеваю вам жениться на леди Екатерине.

– Я это сделаю, сир, – пообещал Гарри.

Здесь воля короля и желание принца наконец сошлись.

---

[3] При смерти*(лат.)*.

Однако слова Гарри остались неуслышанными, так как отца скрутил жестокий приступ кашля, изо рта его выплеснулась кровь. Отвратительное зрелище! Когда кашель утих, король лежал, тяжело дыша. Джон Фишер, епископ Рочестерский, капеллан леди Маргарет, держал перед глазами умирающего украшенное драгоценными камнями распятие, и Гарри, растроганный, наблюдал, как отец слабо протянул руку и прижал священную реликвию к груди.

– В Твои руки, о Господь, предаю я мой дух, – произнес духовник короля, – во имя Отца, Сына и Святого Духа.

Как только он умолк, Генрих VII выронил распятие и застыл в неподвижности.

Все, кто был в комнате, встали на колени, выражая почтение к отошедшей душе. Епископ Фишер осенил тело почившего короля крестом.

– Даруй ему вечный покой, о Господь, и пусть воссияет над ним неземной свет, – нараспев произнес он.

Склонив голову, Гарри стоял на коленях вместе со всеми.

– Аминь, – произнес он, когда молитва закончилась, и поднялся на ноги.

Ему хотелось поскорее уйти, чтобы не видеть мертвеца и забыть пережитый ужас. Тут принц понял, что все люди, стоявшие на коленях, повернули голову и смотрят на него.

– Король умер, – провозгласил граф Суррей. – Да здравствует король!

– Да здравствует король! – в один голос подхватили

остальные.

Часть вторая
Лето

Со всеми я добр, не путаю правил
И ту люблю, что в жены взял я.
Хоть говорят, юность мной правит,
Пусть подождет взрослость моя.
Господь, мое право и долг мой,
От них я не отступаю,
Хоть говорят, юность мной правит!

Король Генрих VIII

Глава 3

1509 год

Роскошно одетый в королевский траур – серебряную парчу и темно-синий бархат, – Гарри верхом ехал в Лондонский Тауэр по улицам, вдоль которых собрались ликующие толпы. Его только что объявили королем, и он отдал последние почести лежавшему в Королевской часовне Ричмондского дворца телу почившего отца, которого вскоре перевезут для

упокоения в Вестминстерское аббатство. Гарри воздевал руку в приветствии, и его новые подданные живо откликались на этот жест: восхваляли его как освободителя и провозвестника золотого века. Становилось ясно с предельной очевидностью, что кончину прежнего короля оплакивали очень немногие. Покойный Генрих VII принес стране мир и прочную власть, это верно, но его презирали за скупость и поборы. Гарри понимал, что контраст между ним и его отцом не может быть более разительным. Ему почти восемнадцать, он пышет юностью, энергией и жизненной силой, никто не посмел бы отрицать, что он живое воплощение всех рыцарских добродетелей.

Однако за две вещи ему, безусловно, следовало благодарить отца. Генрих VII создал Англии такую впечатляющую репутацию в Европе, что все христианские народы стремились заключить с ней союз. А также оставил сыну казну, полную скопленных за долгие годы сокровищ, и эти богатства обеспечивали политическую мощь и безопасность королевства. Бабушка, храбро подавив слезы, сказала Гарри, что люди всегда недооценивали величие покойного короля.

– Они видели его безмерно подозрительным, скаредным и коварным, черным принцем, которому нельзя верить, – добавила она, печально глядя на внука; ее худое лицо в обрамлении вдовьего вимпла и траурной вуали выглядело скорбным и строгим. – Им следовало бы отдавать ему должное как мудрому основателю прочной династии и защитнику мира.

Вместо этого они радуются его смерти. – В ее тоне слышалась горечь.

Гарри сочувственно кивнул. Его не обрадовала новость, что отец назначил леди Маргарет неофициальным регентом до момента достижения сыном восемнадцатилетия; успокаивало то, что ждать осталось недолго – всего несколько кратких недель. Что бы ни думала себе бабушка, Гарри собирался отмежеваться от непопулярных отцовских методов правления. Сегодня он уже объявил всеобщую амнистию и приказал арестовать самых ненавистных советников короля – Эмпсона и Дадли. Снятые с них головы укрепят его популярность. Он никогда не допустит, чтобы при нем министры занимались таким злостным вымогательством. При этой мысли Гарри чопорно поджал губы.

Тауэрский холм запрудили толпы счастливого народа, все махали новому королю и посылали благословения. Констебль Тауэра подошел к нему с ключами от крепости, и Гарри проехал через Львиную башню во внешний двор, где йомены гвардии силились оттеснить людей, чтобы расчистить ему дорогу. Когда Гарри вступил в королевский дворец, где собрался двор, парадные залы были набиты до отказа. Все хотели увидеть нового короля или подать ему прошение. Теперь Гарри стал источником почестей и покровительства, мог возвысить или уничтожить кого угодно по своему усмотрению. Перспектива открывалась головокружительная. Но нужно пользоваться властью с умом. Хороший правитель по-

ощряет тех, кто может быть ему полезен, и награждает сослуживших добрую службу.

Раскланиваясь направо и налево, Гарри двигался сквозь толпу, впереди него шагали йомены гвардии, его личные телохранители. Он взошел на помост, где под роскошным балдахином, расшитым королевскими гербами Англии, стоял трон, и на мгновение замер, чтобы насладиться моментом. Усевшись, король выпрямил спину, упер одну руку в бедро, приподнял подбородок и обратился к собранию со словами, которые давно уже отрепетировал про себя:

– Милорды, добро пожаловать! Мы благодарим вас за теплые приветствия и желаем, чтобы вы и все люди знали: мы намерены править вами мудро и хорошо. Мы любим справедливость и добродетель, а также питаем большую привязанность к ученым мужам, которых всегда будем милостиво принимать при дворе. Скупость будет исторгнута из этого королевства, и с вымогательством мы покончим. Наше великодушие будет рассыпать богатства щедрой рукой. Знайте, что мы не желаем золота, самоцветов и драгоценных металлов, нам нужны добродетель, слава и бессмертие!

Видя радостные лица людей, слыша овации и приветственные крики – громче всех звучали голоса Брэндона и Комптона, – юный король вновь ощутил ликование. Он начинал очень хорошо, это было ясно, и так же намеревался продолжать. Пусть ни у кого не возникнет сомнений, кто здесь правит.

Гарри встал, поднял руку, давая понять, что благодарен за приветствия, и удалился в свои личные покои. Вечером в главном зале Тауэра состоится торжественный пир – никаких вольностей, разумеется, ведь при дворе траур, – и он должен появиться там в полном блеске. Чтобы быть великим королем, важно выглядеть соответственно и демонстрировать свое великолепие.

А у него этого не отнимешь; сама его внешность – воплощение королевского величия. Гарри знал без хвастовства, что среди тысячи высокородных молодых людей своего возраста он самый высокий – ростом больше шести футов. Тело у него могучее и сильное, в глазах горит огонь, а лицо сияет красотой. Стоя перед зеркалом из венецианского стекла, настоящим произведением искусства, которое отец купил за немалые деньги, он видел юного гиганта с тонкой талией, широкими плечами, светлой кожей и прямыми рыжими волосами до подбородка, по французской моде. У него было такое же широкое лицо, пронзительные глаза и маленький чувственный рот, как у деда, Эдуарда IV, хотя нос совсем не дедовский, с высокой переносицей, вполне царственный, как считал сам Гарри. Многие говорили ему, что он самый красивый принц, каких они только видели.

В эти дни Томас Уолси, мягкий, надежный и почтительный, казалось, всегда был под рукой или держался где-нибудь поблизости. Гарри этот человек нравился, он восхищался его энергией, умом и готовностью исполнять волю своего

нового государя, который быстро сообразил: если ему что-нибудь нужно, следует обращаться к Уолси. Кроме того, король понимал: когда Уолси называет его «наш новый Октавий», это не просто лесть.

– У Англии есть повод торжествовать, ведь у нас теперь есть вы, ваша милость! – заявил Уолси после первого заседания Совета, которое возглавлял Гарри.

В то утро скучать ему не пришлось. Он почувствовал, что хорошо проявил себя: показал осведомленность в делах, умение управлять и уверенность в себе. Уолси засеменил следом за королем в галерею, и его толстощекое лицо светилось от восторга.

– Это настоящее благословение! Наш правитель поступает мудро, стремится к справедливости и добру, готов привечать ученых мужей. Неудивительно, что все королевство ликует, получив такого великого государя.

– Аминь, – буркнул граф Суррей.

От Гарри не укрылось, какими холодными взглядами окинули льстеца граф Суррей и герцог Бекингем. Однако короля это не встревожило, он был намерен продвигать людей не за благородство происхождения, а судя по их способностям, за искреннее желание быть полезными и приятными в общении. Новые люди для новой эры. Гарри понимал, что Уолси ему пригодится. Найдутся и другие.

А сам священник как будто не замечал враждебности лордов.

– Я полагаю, ваша милость поступает весьма благоразумно, откладывая принятие любых решений до следующего утра, пока вы не переспите с этим делом.

Гарри широко улыбнулся ему:

– Вы увидите, Томас, стоит мне решиться на что-то, и я считаю себя правым, будучи миропомазанным королем.

– Превосходящим мудростью простых смертных, – добавил Уолси.

– Клянусь святым Георгием, вы говорите правду! – Гарри хлопнул его по плечу.

Да, ему нравился этот Уолси! И тому новый король тоже явно пришелся по душе как человек простой, честный, любивший добродетель и соблюдавший идеалы рыцарства. Если бы отец был больше похож на Уолси!

Гарри был потрясен, узнав, какие богатства оставил ему отец в полной до краев казне. Мало кто из королей начинал свое правление, обладая такими сокровищами. Гарри с упоением строил планы, как будет щедро тратиться на развлечения и создаст самый великолепный двор во всем христианском мире; и еще много останется на удовлетворение других его амбиций. Ему не терпелось поскорее затеять какую-нибудь войну. Теперь ничто не препятствовало реализации его мечты о победе над французами; седобородые старцы из Совета, разумеется, ему не помеха. На следующем же заседании он поднял этот вопрос.

– Ваша милость, покойный король оставил страну процветающей, изобильной богатствами и наслаждающейся всеми преимуществами мирной жизни после тридцатилетнего конфликта. Зачем тратить деньги на новую войну? – возразил престарелый Томас Говард, граф Суррей, самый влиятельный аристократ в Совете; казалось, он выражал общее мнение.

Гарри уперся рукой в бедро и обвел советников стальным взглядом. Он начал понимать, что уже обзаводится привычкой к власти. Куда подевалась их жажда славы и признания? Иссякла и иссохла, не иначе!

– Милорды, когда вы будете присутствовать на моей коронации в Реймсе, я припомню вам ваши опасения, – сказал он и поднял руку. – Нет! Я не желаю слушать возражения.

Это заставило советников умолкнуть. Бабушка, сидевшая на другом конце стола, испуганно посмотрела на внука, но даже не попыталась переубедить его.

Гарри сменил тему:

– Поговорим о моей коронации в Вестминстере.

Тщательно продуманные планы уже были составлены. Гарри решил, что это событие станет первым в ряду множества пышных зрелищ, которые он устроит на радость людям, чтобы укрепить в народе любовь к нему.

– Милорды, я рассчитываю произвести хорошее впечатление, – сказал он. – Проверьте, чтобы мы заказали достаточное количество ткани на новые ливреи для всех королев-

ских слуг.

– Сир, не будет ли это расточительностью? – осмелился спросить Уильям Уорхэм, престарелый архиепископ Кентерберийский. – Старые ливреи вполне подойдут, тем более что у вашей милости такие же инициалы, как у отца.

– Это новое правление и новая эра, милорд архиепископ, – наставительно ответил Гарри и поднялся. – У них будут новые ливреи. Позаботьтесь об этом, милорды.

На сем молодой король удалился. Он завел себе обычай не проводить на заседаниях Совета много времени, но быстро разбираться с делами, чтобы поскорее освободиться и поехать на охоту со своими юными джентльменами. Именно с ними он весело проводил время, у них были общие жизненные интересы, эта дружеская компания сопровождала короля каждый день, а его дни теперь были полны смеха и шуток. Его компаньоны тоже стремились проявить удаль на полях Франции. Вот только Гарри коронуют и ему стукнет восемнадцать, он сразу четко заявит о своих планах!

Но прежде всего ему нужно жениться. Первейший долг короля – обеспечить себя наследником. При дворе же, куда ни глянь, повсюду видишь отпрысков дома Йорков, внешне они такие лояльные, но в душе… кто знает? Гарри решил держать их поближе к себе и оказывать милости этим своим родственникам, дабы призрак гражданской войны не сорвался с привязи. А ему между тем необходимо обзавестись сыном, да поскорее.

Как только тело отца поместили в гробницу в Вестминстерском аббатстве, новый король Генрих перевел свой двор в Гринвич. Там, стоя перед великолепным окном с впечатляющим видом на Темзу, он объявил, что намерен возобновить старые притязания Эдуарда III на престол Франции, отвоевать это королевство и короноваться в Реймсе как новоявленный Генрих V. Послышались громкие одобрительные возгласы. Гарри надеялся, что несогласные слышат их.

А сам он теперь был готов скрепить союз с Испанией женитьбой на Екатерине. Лорды торопили его, и король Фердинанд обещал своевременно выплатить остальную часть приданого.

Граф Суррей был самым горячим сторонником этого брака. Из всех людей старшего поколения, которые служили Гарри, Суррея он любил и уважал больше других. Человек величайшего ума, большого достоинства и непоколебимой верности, граф был очень популярен у англичан. Его отец, герцог Норфолк, погиб, сражаясь за узурпатора при Босворте, а самого Суррея, который вышел на битву плечом к плечу с отцом и был ранен, король Генрих лишил прав и состояния. Гарри не раз слышал историю о том, как покойный король спросил Суррея, почему тот поддержал Ричарда, на что узник твердо ответил: «Он был моим венчанным на царство королем, и если бы парламент надел корону на столб, я бы стал сражаться за столб. И так же как бился за него, я бу-

ду биться за вас». Кто не восхитился бы таким человеком?! Отец определенно проникся к нему уважением, а цельность личности Суррея, твердость его воли, способности в военном деле и управлении постепенно позволили ему снискать расположение короля и получить назад часть своих земель. Граф, несомненно, рассчитывал снова стать владельцем герцогства Норфолк. Что ж, он двигался в правильном направлении и вполне мог добиться желаемого.

Но потом дело подпортил старик Уорхэм: он попросил личной аудиенции у Гарри и высказался против заключения брака.

– Ваша милость, вы подумали о том, что, возможно, совершите грех, женившись на вдове покойного брата? – спросил он.

– Папа дал разрешение, – напомнил ему Гарри.

– Я знаю, сир. – Уорхэм нахмурился. – Но достаточно ли этого, чтобы предусмотреть все случайности? Что, если брак был консумирован и принцесса носила ребенка, но потеряла его?

Гарри вспыхнул. Ему казалось неприличным обсуждать такие вопросы с человеком, который служил Господу.

– Она не могла бы не знать об этом.

– Ах, но не всегда можно иметь полную уверенность. Молодые люди часто несведущи в таких делах. Я прошу вашу милость серьезно подумать, прежде чем решаться на этот бесповоротный шаг.

Старик Уорхэм ушел, оставив Гарри с ощущением, будто у него из-под ног выдернули ковер. Он-то считал, что папское разрешение на брак снимает все вопросы. Не мог же понтифик не понимать, что делает! Он гораздо больший авторитет, чем Уорхэм, человек непогрешимый.

Когда Гарри открыл советникам, что его тревожит совесть, большинство постаралось успокоить короля. Только Уорхэм да еще несколько церковников советовали проявить осмотрительность. Потом Карос добился встречи с Гарри и заявил:

– Ваше высочество не должны испытывать никаких сомнений. Разрешения папы достаточно, и этот брак принесет мир между Англией и Испанией. Я уверен, вы будете наслаждаться величайшим счастьем в союзе с принцессой и оставите после себя многочисленное потомство.

В следующий раз Карос передал весточку от самого короля Фердинанда, которого, очевидно, не теряя времени, оповестил о сомнениях Гарри.

– Его величество любит ваше высочество как сына, – напыщенно провозгласил посол. – Он станет вам как родной отец и будет давать советы в любом деле. – (Гарри заметил, что при этих словах Кароса советники обменялись хмурыми взглядами.) – Принцесса поспособствует укреплению взаимопонимания между двумя королевствами.

– И Испания будет управлять Англией, – пробурчал Бекингем.

Гарри бросил на герцога огненный взгляд. Сейчас не время обижать посланника Фердинанда! Разве эти старики до сих пор не поняли, что у их короля есть собственный разум? Он никогда не допустит, чтобы им руководила жена. Женщинам вообще не пристало вмешиваться в политику.

Настал июнь, коронация приближалась. В конце месяца Гарри исполнится восемнадцать, он станет совершеннолетним. Пришло время, сказали ему советники, невзирая на сопротивление недовольных, приступить к заключению брака.

– Вашей милости не найти другой дамы, которая могла бы сравниться с принцессой Екатериной! – заявил Суррей. – Она копия своей матери, королевы Изабеллы, и обладает такой же мудростью и тем же величием ума, обеспечившим ее матушке уважение людей в разных странах. А что до сомнений вашей милости, у нас есть разрешение папы. Неужели вы должны быть более разборчивым, чем он?

Гарри сидел во главе стола, переводя взгляд с одного горевшего нетерпением лица на другое. Решение он уже принял и знал, что оно верное.

– Я согласен, есть много основательных причин для моего вступления в брак, не последняя из них – то, что я желаю иметь своей супругой принцессу Екатерину прежде всех женщин. Я люблю ее и хочу жениться на ней. – Гарри вспомнил ее длинные золотисто-рыжие волосы, светлый лик, достоинство, высокое происхождение и сострадательность. –

Все в ней говорит, что она подходящая супруга для короля Англии. Ее доброта, образованность, человеколюбие…

Разумеется, его привлекали и другие качества Екатерины. Честь требовала, чтобы Гарри женился на ней. Сделав это, он избавит принцессу от нужды и позора, как странствующий рыцарь былых времен, и тем завоюет ее беспредельную любовь и благодарность.

Широко улыбаясь, король встал, чтобы принять поздравления от своих лордов, и заметил, что Уорхэм и его сторонники не присоединились к общему хору, а помалкивали. Затем Гарри устроился в кабинете, откуда уже убрали все стопки счетоводных книг, и написал будущему тестю, что отказался от всех других женщин в мире, которых ему предлагали, чем продемонстрировал любовь к Екатерине, своей обожаемой супруге. В мыслях он уже называл ее так.

Гарри оделся продуманно, в черный шелк. Прежде чем войти в покои Екатерины, желая удивить ее, он жестом остановил ашера[4], сам открыл дверь и вошел с поклоном.

Кэтрин играла в какую-то настольную игру с одной из своих испанских фрейлин. Она тотчас же встала и сделала глубокий реверанс, ее щеки вспыхнули, ресницы взметнулись вверх, а взгляд мягких серых глаз устремился к его глазам. Ее волосы волнами ниспадали до самых бедер. Она казалась Гарри прекраснейшим созданием на свете.

---

[4] *Ашер* –придворный служитель, который исполнял роль привратника.

Он махнул рукой ее слугам, чтобы те удалились. Оставшись наедине с принцессой, король поднял ее из реверанса и поцеловал ей руку, а она с обожанием глядела на него.

– Екатерина, моя дорогая, нам нужно поговорить.

Когда он сделал ей предложение, она на мгновение онемела, а потом со слезами на глазах выдохнула:

– Да! О да! – и позволила поцеловать себя.

Гарри давно уже грезил о том, каково это – поцеловать женщину. Ощущение оказалось исключительно приятным, и все произошло так просто.

Слишком просто. Вспоминая об этом позже, Гарри испытывал легкое разочарование. Сколько времени он вожделел Екатерину, хранил верность ей все эти трудные годы и заявил права на нее, как только смог это сделать. Мгновенное согласие принцессы тешило его самолюбие, он был благодарен Екатерине за отзывчивость, но при этом чувствовал, что ей следовало бы немного поартачиться, чтобы ему пришлось добиваться ее. На охоте у него всегда вызывало трепет предвкушение погони, внутренняя подготовка к схватке и победе над зверем. Так же должно быть и с женщинами.

Однако Гарри знал, что Екатерину не учили флиртовать на манер английских девушек; ее растили быть послушной долгу и скромной. Ему следовало этому радоваться, потому что добродетельная женщина – награда дороже рубинов[5].

---

[5] Отсылка к Книге притчей Соломоновых, 31: 10, в русском синодальном переводе: «Кто найдет добродетельную жену? Цена ее выше жемчугов».

Старик Скелетон прочно вбил это ему в голову, и Гарри, ложась в постель, которую вскоре с ним разделит Екатерина, сказал себе, что он очень рад. Желание его сердца исполнилось.

В следующие дни Гарри пытался подавить терзавшие душу сомнения, убеждал себя, что разница в возрасте – пять с половиной лет – несущественна. Екатерине двадцать три года, она по-прежнему молода, красива, готова вынашивать детей и заниматься постельным спортом. Но разве имеет значение, что подбородок у нее тяжеловат – как он не замечал этого раньше? – а ее обожание слишком очевидно? Все это не важно!

Вскоре после этого Гарри забрал Екатерину вместе с двором в Гринвич, где они должны были пожениться; принцесса трепетала от счастья. Сады утопали в цветах, фонтаны били, ветви фруктовых деревьев поникали под тяжестью плодов, а над ними величественно возносились ввысь башенки дворца. Гарри любил Гринвич; здесь он родился, а охота в местном парке доставляла ему истинное наслаждение. Он отвел Екатерину на верх башни и показал ей приготовленные для них роскошные апартаменты, упиваясь восторженными восклицаниями невесты, которую очень порадовали и богатство обстановки, и прекрасный вид на реку. Много лет из-за скупости покойного короля Екатерина жила в нужде, и теперь ей, должно быть, казалось, что она вознеслась на небеса.

Одно дело – поцелуй, совсем другое – акт продолжения рода, как с напускной скромностью называл это Скелетон. Теперь Гарри больше всего на свете желал произвести на Екатерину впечатление в их первую брачную ночь. Господи, не дай ему все испортить и выставить себя дураком!

Гарри была нужна женщина для знакомства с радостями плоти. Но кто? За исключением испанских дам, которые находились в покоях Екатерины и которых он не посмел бы и пальцем тронуть, при дворе не было других женщин, разве что его прачка. Гарри обнаружил, что присматривается даже к ней. Но она была слишком толстая и старая. Он содрогался от мысли, что эти натруженные руки прикоснутся к его телу. И в очередной раз обругал отца: зачем тот держал его в изоляции!

Молодые джентльмены из окружения короля похвалялись своими подвигами в публичных домах Бэнксайда и Саутуарка на Темзе в Суррее. Там мужчины могли снять девку всего за несколько пенсов. Но Гарри не хотел якшаться с потасканной старой шлюхой, как не хотел подцепить какую-нибудь заразу; он слышал о страшной французской болезни. Но вреда не будет, если пойти и посмотреть, что там и как.

Однажды вечером Гарри надел легкий плащ, опустил на лицо капюшон, проскользнул мимо стражи, спустился по винтовой лестнице на первый этаж и вышел с территории дворца, держась в тени зданий. У причала он нанял лодку и попросил лодочника, чтобы тот отвез его в Саутуарк. Поезд-

ка неожиданно ему понравилась, он видел сверкавшие впереди огни Лондона, своей столицы. Что бы подумали горожане, если бы увидели его сейчас одного, без сопровождающих, в поисках запретных удовольствий? Эта мысль вызвала у Гарри улыбку.

Высаживая пассажира на берег, лодочник ухмыльнулся:

– Я бы попытал счастья в «Кардинальской шапке», хозяин. Девочки там чистые, и все содержится исправно.

– Спасибо, – буркнул Гарри, кутаясь в плащ.

«Кардинальская шапка» – один из борделей. На улице толклись какие-то неотесанные мужики и матросы, они отпускали скабрезные шуточки в адрес девиц, которые выглядывали из окон. Гарри вообще был не робкого десятка, но тут вдруг смутился. Однако он решительно подошел к двери и резко распахнул ее. Сидевшая внутри хозяйка бросила на него оценивающий взгляд:

– Что ищет прекрасный джентльмен?

– Девушку, – пробормотал Гарри. – Чистую. Здоровую.

– Все мои девочки чистые и здоровые. Хотите девственницу? Это за особую плату.

Гарри знал, что девственность в таких заведениях часто фальшивая, но кивнул. Старая карга встала и скрылась за дверью. Вернулась она со светловолосой розовощекой девушкой, которая выглядела так, будто только что приехала из деревни, и едва ли ей было больше пятнадцати лет. Гарри уставился на нее, не веря своей удаче.

Однако через полчаса он отвалился на спину и лежал на грязной простыне, уныло глядя в потолок. Его лицо горело от стыда, а скипетр был мягкий, как подгнившая груша. Когда дело дошло до совокупления, он сплоховал, так как был слишком взволнован, слишком спешил, а его предательский член совершил выстрел раньше, чем встретился с целью.

Едва живой от унижения, Гарри натянул на себя одежду, выскочил из комнаты и ринулся в ночь.

Гарри и Екатерина стояли на коленях в молельне королевы в Гринвиче, архиепископ Уорхэм произносил над ними священные слова, которые делали их мужем и женой. Двор все еще соблюдал траур по покойному королю, вследствие чего официальных торжеств не проводилось, и Гарри ясно дал понять, что церемонии укладывания молодоженов в постель тоже не будет. Зачатие наследников короля, хотя и являлось предметом жгучего интереса для подданных, останется личным делом его и Екатерины.

Момент, когда он овладеет своей женой, приближался, и Гарри вдруг обнаружил, что его снедает ревнивый страх: вдруг Артур все-таки оказался первым? Еще сильнее угнетала его боязнь проявить себя в роли мужа не лучше, чем при общении с проституткой. Однако он беспокоился напрасно. Лежа со своей молодой женой в огромной кровати с расшитым серебром и золотом балдахином и шелковыми занавесками, он не спешил так, как в тот раз, и Екатерина была так

полна любви к нему, так мила. Она крикнула что-то по-испански, когда он вошел в нее, и впилась ногтями в его плечи. Потом расслабилась, и это было прекрасно, их соитие доставило ему больше радости и удовольствия, чем он мог себе вообразить. Его Кейт – так он теперь называл ее – была всем, чего мог пожелать здоровый мужчина. Он и не мечтал о том, что любовь может быть столь восхитительной.

На следующее утро Гарри удивился, заметив, что на простыне нет крови. Он помедлил, а потом, кляня свою неосведомленность, решил, что кровь не обязательно должна быть. Поэтому отставил в сторону недостойные сомнения и посчитал себя счастливцем, который достиг наконец супружеского блаженства.

«Если бы я оставался свободным, то из всех других женщин выбрал бы себе в жены Екатерину», – написал он в то утро королю Фердинанду, сидя в ночной рубашке у открытого окна. Потом подошел к постели, наклонился, поцеловал свою новую королеву и взял в руки молитвенник матери, который подарил ей перед венчанием, написав в нем: «Я ваш навеки, Генрих К.». В глазах Екатерины стояли слезы, когда она прочла это.

– Пусть эта вещь будет у вас. Вы станете такой же прекрасной королевой, как моя дорогая матушка. Я все время желал сделать вас своей супругой, Екатерина. И теперь вы моя. По милости Господа я получил это благословение! – Гарри пристально взглянул на нее; на языке вертелся вопрос. – Мне

нужно знать, Артур когда-нибудь…

– Нет, Генрих. Он был слишком болен, бедный мальчик.

– Значит, все их нападки напрасны, – тихо произнес Генрих.

– Какие нападки?

– О, Уорхэм и некоторые мои советники блеяли, что наш брак запрещен Писанием.

– Но папа дал нам разрешение! – воскликнула она.

– То же сказал им и я. Не волнуйтесь, моя дорогая. Все хорошо. Думаете, я женился бы на вас, если бы имелись хоть малейшие сомнения? Я бы не стал рисковать ни вашим будущим, ни своим. Но папа благословил нас, теперь вы моя жена в глазах Господа. – И он принялся поцелуями прогонять ее страхи.

Гарри не мог надолго расставаться с Кейт. Каждый день он приходил в ее покои, обсуждал с ней политику, теологию, книги или просто наслаждался ее обществом. Часто он оставался у нее ужинать, и они всегда вместе слушали вечерню. Больше всего ему хотелось радовать свою королеву.

Каждую ночь они любили друг друга. Пробудившись для радостей плоти, Гарри не мог насытиться ими, а Екатерина оказалась отзывчивой партнершей и с радостью откликалась на его ласки. Теперь его очаровывало ее обожание. «Мой Генрих» – так любовно называла она его. До сих пор он не знал такого блаженства. И вскоре, если будет угодно Госпо-

ду, их счастье увенчается Божьим даром – сыном.

На третьей неделе июня двор переехал в Лондонский Тауэр, так как, по обычаю, монархи проводили там некоторое время перед коронацией. Когда королевская барка причалила у лестницы королевы под башней Байворд, солнце палило вовсю, а на берегу реки собрались ликующие толпы. Гарри поднялся по ступеням, вдоль которых выстроились йомены гвардии в алых церемониальных ливреях. О прибытии короля возвещали фанфары. Наверху государя с поклоном встречал констебль Тауэра.

Он сопровождал короля с королевой, пока они шествовали по внешнему двору крепости. Слева от них величественно возвышалась Белая башня, столь же мощная, как и в те времена, много столетий назад, когда ее построил Вильгельм Завоеватель. Впереди виднелись Королевский зал и старый дворец. Гарри приказал, чтобы к коронации дворец заново отделали, а его покои украсили шпалерами и белой, красной и зеленой тканью – геральдическими цветами Тюдоров. Вдалеке слышался рев – в Тауэре находился королевский зверинец, и даже львы приветствовали нового короля!

Несмотря на великолепие оказанного приема и долгую, славную историю крепости, Гарри не любил Тауэр: эта мрачная твердыня вызывала у него неприятные ассоциации. В спальне, которую заняла Екатерина, умерла его мать. С тех пор минуло уже шесть лет, но он по-прежнему остро ощущал

боль утраты. Хранили эти стены и зловещие воспоминания. По слухам, здесь утопили в бочке с мальвазией двоюродного деда Гарри, герцога Кларенса. А за восемь лет до рождения самого Гарри братья его матери, известные как «принцы в Тауэре», были убиты в этих стенах ради того, чтобы их дядя, еще один двоюродный дед Гарри, узурпатор Ричард, мог захватить трон. Отец, разумеется, отомстил за их гибель при Босворте, но останки юных страдальцев так и не нашли. Несмотря на жару, Гарри била легкая дрожь при мысли, что они, может быть, до сих пор лежат где-нибудь рядом.

Пользуясь редким моментом уединения перед готовившимся пиром, Гарри с отвращением огляделся: толстые каменные стены, грубо написанные фрески с ангелами и геральдическими животными, запах затхлости и плесени – «клянусь святым Георгием, уж не тянет ли нечистотами ото рва?!» – и решил, что без необходимости больше здесь не появится. Он унаследовал много великолепных домов, которые гораздо больше подходили для монарха, идущего в ногу со временем.

На следующий день Лондон торжественно встречал короля и королеву, которые с блестящей процессией проследовали по Чипсайду, через Темпл-Бар и по Стрэнду к Вестминстерскому дворцу. На всем протяжении их пути здания были украшены гобеленами, из питьевых фонтанчиков вместо воды текло даровое вино. Над головой Гарри бароны Пяти пор-

тов несли роскошный балдахин. Под мантией из темно-красного бархата, отороченной горностаем, на короле был расшитый драгоценными камнями дублет из златотканой парчи, а через плечо перекинута украшенная рубинами перевязь. Позади него, на небольшом расстоянии, в задрапированных белым шелком и золотой парчой носилках ехала Екатерина, в наряде из белого атласа и меха горностая, ее сопровождали дамы в синих бархатных платьях верхом на одинаковых лошадях.

На Чипсайде Гарри обнажил голову перед леди Маргарет, которая следила за происходящим из окна, обливаясь слезами радости. Улицы заполонили восторженные толпы, люди на все лады восхваляли своего нового государя. А тот двигался все вперед и вперед, колокола собора Святого Павла и еще более сотни церквей Сити приветствовали его звоном, и вот он уже на Стрэнде, проезжает мимо прекрасных домов знати.

Только ближе к вечеру огромная процессия достигла раскинувшегося на большом пространстве Вестминстерского дворца, главной королевской резиденции и места, где с незапамятных времен заседало правительство. Когда король с королевой ступили в просторный Вестминстер-холл, зазвучали трубы, собравшиеся там придворные склонились в почтительных поклонах, а дамы присели в реверансе.

Здесь, как и в Тауэре, королевские апартаменты являлись свидетельством померкшего величия былых времен. При

входе в похожую на пещеру Расписную палату Гарри охватили воспоминания об отце: здесь до сих пор стояла отцовская кровать, украшенная изображениями рая, – кровать, в которой, вполне вероятно, был зачат он сам. Странно было думать, что родители, соединившиеся в любви и создавшие его, теперь снова вместе на небесах.

На стене над королевским ложем виднелась старинная фреска, написанная не утратившими яркость красками – синей, красной, серебряной и золотой, – с изображением коронации Эдуарда Исповедника, покровителя Англии, святилище которого, обильно украшенное драгоценными камнями, находилось напротив дворца, в Вестминстерском аббатстве. Гарри с особым почтением относился к этому святому, воплощению мудрого и милостивого правителя, и хотел ему подражать. Завтра Гарри коронуют в двух шагах от святилища, сам Эдуард как будто благословит своим присутствием миропомазание нового короля. Сознание этого привело Гарри в такой трепет, что у него слегка закружилась голова.

Во время вечернего пира ум Гарри был занят возвышенными мыслями. Господь выбрал его править людьми, завтра Церковь подтвердит выпавшую ему высокую честь, и он получит корону своих предков. Глядя на Кейт, торжественно восседавшую рядом с ним за главным столом, который стоял на помосте, Гарри понимал: она тоже думает о невероятном значении того, что ждало их впереди.

До четырех часов утра они вдвоем бодрствовали, стоя на

коленях в часовне Святого Стефана, со всех сторон на них взирали образы ангелов, святых и короля Эдуарда III, изображенного на огромной фреске вместе со своим семейством. Взгляд Гарри опустился на сына Эдуарда, знаменитого Черного принца, который одержал несколько важных побед во время Столетней войны, и новый король поклялся, что будет достоин своих выдающихся предков. Он тоже принесет славу английской короне.

Глава 4

1509 год

Был Иванов день. Из окна дворца Гарри наблюдал, как внизу собирается толпа народа. Рабочие старались оттеснить людей, чтобы проложить полосатую ковровую дорожку от дверей Вестминстер-холла к Большим западным дверям аббатства. Гарри ощущал дрожь возбуждения и благоговения. Он был готов духовно и во всех других отношениях, одет в роскошную темно-красную королевскую мантию, отороченную горностаем, и, несмотря на недостаток сна, чувствовал себя совершенно бодрым и оживленным.

Когда Гарри вошел в Вестминстер-холл, все пали на колени, и несколько восхитительных мгновений он стоял там и улыбался. Затем все торопливо заняли свои места в процессии и направились в аббатство. Уолси находился рядом – разговаривал с Джоном Фишером, епископом Рочестерским, исповедником бабушки.

– Этот день освящает молодого человека, который является непреходящей славой нашего времени! – восклицал Уолси.

– Да, – с улыбкой ответил ему Фишер, длинное и худое лицо которого обычно было мрачным. – Этот день знамену-

ет окончание нашего рабства, он – исток нашей свободы и начало радости. Посмотрите, как освобожденный люд с ясными лицами бежит навстречу королю!

Гарри пожал им обоим руки и радостно произнес:

– Благодарю вас!

Вдруг появилась Кейт, златовласая красавица в темно-красной мантии и белом атласном платье, она улыбалась ему, как Мадонна. Оставив двоих церковников, которые снисходительно усмехнулись, Гарри поспешил взять ее за руку. Вокруг собрались их свиты, и король с королевой под оглушительные крики толпы направились в Вестминстерское аббатство; впереди них вышагивали знатные вельможи в алых мантиях с меховой опушкой.

Пэры бурно приветствовали Гарри. Он произнес коронационную присягу, поклялся защищать свое королевство, поддерживать Церковь и честно отправлять правосудие. Над ним совершили обряд миропомазания и тем отделили от обычных смертных. Отныне он обладал даром прозрения, ему были открыты тайны государственных дел, что недоступно простым людям. Теперь он существовал обособленно, стал наместником Бога на земле, призванным по Божественному праву властвовать над своими подданными. Никого не было в Англии выше его, кроме Всемогущего Господа.

Восседая на старинном коронационном троне, Гарри

смотрел прямо перед собой, когда архиепископ Уорхэм возложил на его голову корону Эдуарда Исповедника. В этот восхитительный момент помазанник Божий ощутил, как его душа уносится в высшие сферы, загремели трубы, и хор грянул «Te Deum»; голоса певцов больше походили на ангельские, чем на человеческие. Затем епископы отвели короля к трону, чтобы он принял почести от своих главных подданных.

Гарри видел, как сияло лицо Кейт, когда и ее тоже увенчали короной, после чего взял свою королеву за руку, и они, светясь от радости, вышли из аббатства. Толпа ревела, гудел орган, звучали трубы, гремели барабаны, и звенели колокола, объявляя миру, что король Генрих VIII, на радость и в утешение всей стране, благополучно возведен на престол.

Коронационный банкет в Вестминстер-холле – Гарри мог побиться об заклад – был роскошнее, чем у Цезаря. Как только он сел во главе стоявшего на помосте стола, затрубили фанфары, герцог Бекингем и граф Шрусбери въехали в зал верхом на лошадях и объявили, что первые великолепные блюда доставлены. Дворцовые кухни уже не один день работали на пределе возможностей. Подали в изобилии разные виды прекрасного сочного мяса и прочие изысканные кушанья. После второй перемены блюд сэр Роберт Даймок, защитник короля, соблюдая традицию, проехался взад-вперед по залу на коне и бросил наземь перчатку, вызывая на поединок любого, кто дерзнет оспаривать титул государя. Разуме-

ется, никто не осмелился, хотя Гарри пристально вглядывался в лица своих кузенов-йоркистов, а потом, сияя улыбкой, наградил Даймока золотым кубком.

После банкета король вывел все общество на улицу, где состоялся турнир, продолжавшийся до полуночи. По-прежнему пребывая в эйфории, Гарри, наконец оказавшись в своей постели, так как Кейт сильно устала и он чувствовал, что из всех ночей именно в эту ему не следует приходить к ней, долго не мог уснуть. В конце концов он поднялся, стараясь не потревожить спавшего на тюфяке в изножье его кровати джентльмена, и надел бархатный ночной халат и тапочки. Кивнув стоявшим за дверью стражникам, он спустился по винтовой лестнице в свой личный сад, огороженный стеной, и прошел через калитку в находившийся за ним сад, который спускался к реке. За спиной у него в окнах дворца мерцал свет факелов. Гарри наслаждался одиночеством. Ему хотелось поразмышлять о прошедшем прекрасном дне и глубже ощутить реальность произошедшей в его жизни колоссальной перемены.

Торжества продолжались несколько дней. Гарри с удовольствием наблюдал за поединками, которые устраивали на площадках у Вестминстерского дворца. Сидя в шатре, накрытом коврами и завешенном дорогими гобеленами из Арраса, он отчаянно хотел присоединиться к доблестным юным лордам и рыцарям, принимавшим участие в схватках. Но со-

ветники упорно отказывали ему в этом. Не имея наследника, он не должен подвергать себя риску. Но ждать ему осталось недолго, Гарри был уверен. Он исполнял свой супружеский долг ежедневно и с удовольствием, так что скоро Кейт наверняка забеременеет. В следующем году, если все сложится хорошо, он тоже наденет украшенный перьями шлем и возглавит список бросающих вызов.

Хорошо хоть охотиться ему не запретили. В честь Дианы, богини охоты, в миниатюрный парк с небольшим замком, который устроили на ристалище, согнали оленей, там их отстреливали, а окровавленные туши преподносили королеве и ее дамам.

В самый разгар торжеств Гарри срочно вызвали к бабушке в дом аббата Вестминстера. Леди Маргарет дожила до его совершеннолетия и теперь наконец готовилась отправиться на вечный покой. Гарри прибыл как раз вовремя, чтобы услышать слабый голос умирающей. Бабушка призывала внука сделать своим наставником ее исповедника, набожного епископа Фишера.

– Он самый благочестивый и ученый прелат во всем христианском мире, – сказала леди Маргарет. – Никто лучше его не будет руководить вами, мой дорогой король.

Гарри склонил голову, неохотно соглашаясь с ней. Еще один старик, пусть и уважаемый. Но какая польза молодому человеку от церковника, который под епископским облачением носит власяницу, спит на жестком соломенном тюфя-

ке, регулярно бичует себя и ест в основном хлеб да похлебку? Стоит ли прислушиваться к такому?

Гарри скорбел по леди Маргарет, всю жизнь она любила его, и он постоянно ощущал ее присутствие где-то рядом. Дабы почтить память старой леди, король приказал, чтобы церковные колокола звонили шесть дней. Епископ Фишер отдал дань ее добродетелям в прочитанном на похоронах в Вестминстерском аббатстве пастырском наставлении и опередил своего друга Эразма в составлении эпитафии. С уходом леди Маргарет не осталось больше в живых старших родственников, имевших власть над Гарри в юности, и никого, кто, находясь с ним в близком родстве, мог бы противостоять его воле.

Он начал по-настоящему править своим королевством.

Благодаря отцу и Скелетону Гарри хорошо понимал, что на его плечах лежит полная ответственность за управление Англией. Парламент, Тайный совет, государственные чиновники, судьи, шерифы и мэры – все отправляли свои властные полномочия от его имени. Он был также источником всех почестей, а во время войны – национальным военным лидером.

Тяжесть стоявших перед ним задач не смущала Гарри, он был полон решимости и уверен, что справится. В ушах у него звучали слова отца: «Король правит милостью Божьей». Но Господь станет его союзником. Если никто другой не верит

в юного государя, Всемогущий поможет ему преуспеть в делах.

А потому важно повысить престиж короля и монархии. Королю необходимо не только быть на виду у подданных и в контакте с ними, нужно, кроме того, производить впечатление на них и иностранцев ослепительными зрелищами. Даже отец понимал это и пристально следил за тем, чтобы каждый аспект его жизни и жизни его семьи сопровождали тщательно разработанные ритуалы, использовал помпезность и продуманный символизм для создания у окружающих запоминающегося образа их повелителя. Гарри намеревался превзойти отца и для этого построить новые дворцы или более пышно украсить уже имевшиеся, чтобы они служили фоном, на котором во всей красе явится его монаршее величие. Как только стало известно, что при дворе нового короля привечают архитекторов, художников, музыкантов и ученых, талантливые люди начали во множестве стекаться к нему, повышая престиж самого английского государя. А когда король деятельно занялся проведением в жизнь своей напряженной строительной программы, армия работников взялась строить, расписывать, ремонтировать, золотить, глазуровать и украшать резьбой новые и старые дворцы. Кроме того, Гарри решил, что его должны называть «ваше величество», как было принято на континенте, хотя большинство приближенных продолжали обращаться к нему, используя традиционные обращения «ваша милость» или «ваше высочество».

Не зря Гарри впитывал в себя учение гуманистов о верховной власти. Он читал, что совершенный правитель должен окружать себя роскошью и сыпать щедротами, одаривая всех нескудеющей рукой. Старик Скелетон внушал ему необходимость быть великодушным, открытым и щедрым. И он таким будет, решил Гарри, богатств у него хватит! Его двор станет самым великолепным за всю историю Англии. Он затмит даже своих европейских соперников – короля Франции и императора Священной Римской империи.

Гарри знал, что выглядит королем до кончиков ногтей, ему от природы свойственны авторитет и уверенность в себе, к тому же он слышал от разных людей предсказания, что в будущем о нем заговорит весь мир. Все ожидали от него небывалых чудес, и он не собирался разочаровывать своих подданных.

Молодой король с удовольствием делился властью с министрами, доверял им разрабатывать детали своей политики, но ясно давал понять, что держит все под контролем и не намерен следовать чужим советам. В большинстве случаев ему удавалось обуздывать свой темперамент, хотя он взъярился, когда советники посмели возражать против его решения отправить Эмпсона и Дадли на плаху, и заставил их умолкнуть щелчком пальцев.

– Если кто-нибудь осмелится перечить мне, имейте в виду: не найдется в моем королевстве головы столь благородной, что она по моей воле не слетит с плеч! – пригрозил он.

Позже Гарри пожалел о своей несдержанности, хотя все равно остался в убеждении, что поступил правильно, приструнив советников.

Мало что ускользало от внимания короля. Теперь он радовался, что благодаря полученному образованию накопил энциклопедические знания по очень широкому кругу вопросов, и это давало ему преимущества, когда дело доходило до инструктирования послов и важных государственных дел. Он любил удивлять советников своей осведомленностью.

Новая стычка с ними произошла, когда Гарри завел речь о войне с Францией. Кейт только что сообщила ему, что ждет ребенка, от радости и восторга он закружил ее. Скоро у него будет наследник, и никто не сможет сказать, что он не позаботился о передаче власти.

– Я намерен играть заметную роль в христианском мире, – заявил Гарри, – и вернуть принадлежащее мне по праву.

– Ваша милость жаждет славы, но не забывайте, что король Франции обладает бóльшими ресурсами и людской силой, чем вы, – предостерег его Суррей.

– Разве это останавливало Генриха Пятого или Черного принца? – возразил Гарри. – Клянусь святым Георгием, им не приходилось спорить со старыми бабами вроде вас, которые ни в грош не ставят их подвиги! Кроме того, у меня есть союзник – король Фердинанд!

Советники глядели на него с сомнением.

– Ваша милость уверены, что Фердинанд не использует

вас, чтобы вы воевали за него?

– Королева забрала власть над ним, – пробормотал кто-то.

Гарри подавил раздражение. Он знал: есть мнение, что Испания косвенно управляет Англией. Письма Фердинанда полнились добрыми советами, это верно, но бóльшая их часть, несомненно, была направлена к его собственной выгоде. Кейт тоже держала сторону отца, это вполне естественно, но, черт возьми, думал Гарри, он не из тех, кого принимают за дурака, у него своего ума хватит.

– Позвольте напомнить вам, – холодно произнес он, – в том, что касается завоевания Франции, мои интересы совпадают с интересами Фердинанда. Франция – его давний враг, так же как мой. Победа над ней усилит нас обоих.

– Но вы не можете оба завоевать Францию, – заметил сын Суррея, лорд Томас Говард; лицо у него было словно высечено из гранита – тонкие губы и аристократический нос с горбинкой.

– Мы можем разделить ее между собой, – сказал Гарри, запасаясь терпением. – Завоевать и разделить – вы не слышали о таком? Я знаю свои права. Мои люди хотят войны. Им нужна победа вроде Азенкура.

– Сир, возможно, это так и есть, – вступил в разговор Уорхэм, – но я бы посоветовал не спешить. У вас еще нет наследника. Если вы падете на поле брани, королевство может вновь погрузиться в пучину гражданской войны, так как найдется немало желающих заявить права на престол. Разумно

будет отложить любые действия против французов, пока не укрепятся ваши династические позиции.

– Вы говорите ровно как мой отец! – бросил ему Гарри. – Всегда призываете к осторожности. Но у меня скоро будет наследник. И позвольте сказать вам, милорд архиепископ, и вам, милорды, что великие победы никогда не достигались осмотрительностью! Нет, я не буду ждать!

Советники сидели и качали головой, будто имели дело с капризным ребенком.

– Я не буду ждать, – повторил Гарри и вышел.

Он работал в кабинете, когда к нему пришел Уолси, который постепенно делался незаменимым для короля.

– Ваша милость, мне стало известно, что некоторые советники от вашего имени написали королю Людовику письмо с предложением дружбы и мира. Я полагаю, вам следует знать об этом. – Он протянул королю копию.

В груди у Гарри вскипел гнев. Вот оно! Эти люди осмелились присвоить себе его исключительное право. Такое терпеть нельзя!

– Созовите их! – рявкнул он и принялся расхаживать по кабинету, распаляя себя все сильнее.

Он по-прежнему находился в бешенстве, когда полчаса спустя широким шагом вошел в зал Совета.

– Кто написал это письмо?! – крикнул король, потрясая в воздухе листом; все молчали, никто не отваживался встре-

титься с ним взглядом. – Я прошу о мире короля Франции, своего врага?! – ревел Гарри.

И снова ответом ему была тишина, поэтому он грозовой тучей вылетел из зала, бросив через плечо, чтобы Уолси следовал за ним.

– Найдите французского посла! – приказал ему король, быстро шагая по галерее. – Пригласите его посмотреть турнир сегодня днем. Я приму в нем участие и продемонстрирую свою воинскую доблесть.

– Разумно ли это, ваша милость?

– Вы что, тоже собираетесь меня учить? Нет, Томас, я все решил. Позаботьтесь о том, чтобы послу негде было сесть. Пусть почувствует нашу враждебность к его королю. А когда он ощутит на себе, каково это – оказаться в постыдной ситуации у всех на глазах, сделайте так, чтобы ему дали подушку.

– Ваша милость, это будет расценено как оскорбление.

– Чего я и добиваюсь, – мрачно изрек Гарри.

Надвинув забрало, он выехал на ристалище и сквозь щели наблюдал за смятением французского посланника и весельем потешавшихся над ним придворных. Это доставило Гарри большое удовольствие. Люди разделяли его отношение к давнему врагу Англии, что было крайне важно. После турнира, на котором Гарри покрыл себя славой, не получив ни царапины, – заметьте это, Суррей! – он прошелся по рядам зрителей, болтал и смеялся с ними, тут хлопнет какого-нибудь мужчину по плечу, там потреплет по подбород-

ку женщину. Гарри видел, что они его обожают. Для них он словно посланец Небес, а не человек из этого мира.

– Ваша милость, вы для них скорее приятель, чем король, – заметил Уолси, вдруг появившийся рядом, когда Гарри возвращался к своему шатру. – Вы понимаете, как важно быть доступным для подданных.

– Я хочу их видеть, и пусть они видят меня, – ответил ему Гарри. – Пусть приходят в мои дворцы смотреть на турниры и развлечения. А я буду каждый год объезжать страну, чтобы люди имели возможность общаться со мной, особенно те, кто живет в отдаленных частях моего королевства.

Он не упомянул о том, что несколько раз ходил в Лондон, переодевшись, чтобы пообщаться с людьми и услышать их мнение, которое свободно высказывалось в тавернах. Никто не догадывался, что высокий и общительный молодой человек, с готовностью угощавший всех выпивкой, был их королем. К счастью, никто не говорил о нем никаких гадостей; казалось, все его любят. И, понимая это, Гарри радовался.

Голос Уолси вернул его к действительности:

– Сир, так как королева ждет ребенка, а сезон военных кампаний заканчивается в октябре, не лучше ли будет отложить французское предприятие до следующего года? Вам понадобится время на подготовку, если вы желаете добиться успеха. А к тому времени у вас появится наследник.

– Хм… – Гарри задумался.

Совет был разумный, к тому же предложенный в гораздо

более конструктивном ключе, чем это делали советники. С каждым днем Уолси нравился ему все больше, он восхищался его умом. Да, человек этот скромного происхождения, его отец разводил овец в Ипсвиче и торговал шерстью, но Гарри вспоминал своего родителя, который говорил, что Уолси отличился как ученый в Оксфорде и личными заслугами добился быстрого продвижения по службе. Он был красив, образован, красноречив и неутомим, его высоко ценили новые люди в Совете. Гарри начинал понимать, что к советам Уолси стоит прислушиваться. Да, Франция подождет.

Золотое лето, наступившее вслед за коронацией, прошло в бесконечных празднествах. Гарри возглавлял турниры, охотничьи экспедиции и выезды на охоту с соколами. Восемнадцатилетний король был молод и здоров, расположен к забавам и удовольствиям и не склонен заниматься делами своего королевства. Он так увлекся всевозможными развлечениями, что работал только во время утренних служб в Королевской часовне или поздно вечером, если у него не находилось более интересных занятий. Вскоре Гарри обнаружил, что ответственность за проведение заседаний Совета не делает сами эти заседания менее утомительными и скучными, а потому попросил советников, чтобы они отчитывались перед ним, после того как завершат обсуждение всех вопросов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.